

Александр Николаевич Громов

Крылья черепахи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119062
Александр Громов. Крылья черепахи: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22067-0

Аннотация

Являемся ли мы, люди, хозяевами планеты Земля? Нет ли у нее других хозяев – могущественных, мудрых, неторопливых? Которые, посмотрев однажды на то, как люди обращаются с их имуществом, могут сказать нам: «Вы не нужны, подите вон!»

Интересно, куда мы уйдем? У черепахи нет крыльев. Пока еще нет. Но гонят уже сейчас. Как быть, если гонимые даже не понимают, что происходит, и воспринимают гнев хозяев как стихийное бедствие? Кто из людей имеет шанс уцелеть в глобальном катаклизме?

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Громов

Крылья черепахи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ЛУННОМ СИЯНИИ СНЕГ СЕРЕБРИТСЯ...

События, рассказанные Виталием Мухиным

Глава 1

Дом.

Самый обыкновенный дом, не большой и не маленький, еще не дряхлый, но уже далеко не новый. Сосновый брус, из которого сложены стены, давно почернел бы от времени, не будь он выкрашен снаружи веселенькой кремовой краской. В июле, когда на небе ни облачка и солнце нещадно палит, сквозь неприметные трещины в слоях краски то здесь, то там начинают проступать янтарные капли смолы, будто дом говорит хозяевам: «Смотрите! Я честно служу, я держусь молодцом, я еще совсем не стар, я почти молод...». И хозяева улыбаются, зная: это правда, так оно и есть.

Дом думает, что он один. Он никогда не видел себе подобных. Он стоит в большой, плоской, как стол, долине, со всех сторон окруженной грядами холмов. Других жилых строений поблизости нет. По узкой прямой полосе асфальта, проложенной через долину прямо перед домом, изредка проносятся металлические эрзацы домов, снабженные колесами. И, хотя они гораздо меньше дома, хотя от них неистребимо несет бензиновой вонью, дом снисходителен к ним, как к непутевым младшим братьям.

Дом у дороги.

Лохматая собака прячется от жары в тени сарая, где стучит дизель-генератор, и, вывалив на сторону длинный язык, часами ждет очередную машину только для того, чтобы поднять уроненную на лапы голову, проводить взглядом промчавшееся мимо четырехколесное чудище и, может быть, поворчать ему вслед. Такое развлечение случается не каждый час. Еще реже какой-нибудь водитель остановит автомобиль около дома и зайдет промочить горло холодным лимонадом или слабоалкогольным пивом, купить сигарет, а то и просто спросить, не ошибся ли он случайно дорогой и действительно ли Дурные земли начинаются уже вон за теми холмами. Тогда навстречу гостю выходит хозяин, если в данную минуту он не работает в поле, и радушно предлагает недолгий, но приятный отдых и небогатый выбор полезных в дороге товаров. Цены у него вполне умеренные.

Случайный проезжий может получить и ночлег, но только в том случае, если он чем-либо симпатичен хозяевам. Деньги никому не мешают, но превыше всего хозяева ценят свободу. Поэтому две комнаты, предназначенные для гостей, как правило, пустуют.

Хозяева – муж и жена. Ему около сорока, он здоров, крепок, с сильными натруженными руками и упрямым загорелым лицом, но в его глазах иногда проглядывает что-то безмятежно-детское. Он был почти вдвое моложе, когда пришел в эту долину и сам построил свой дом. Она – чуть моложе его, миловидная, с добрым сердцем и спокойным характером. Еще у них есть дети: сын семнадцати лет и шестилетняя дочь. Семья имеет трактор с набором приспособлений для различных полевых работ, маленький комбайн и редко используемый автомобиль в гараже. Скота они не держат, но у них есть две верховых лошади, для которых построена специальная конюшня, утепленная брикетами соломы, потому что зимы

в долине бывают настолько холодными, что выпавший снег иногда не сходит по три дня. Животные ухожены, постройки крепкие, а работы в поле всегда производятся тогда, когда нужно.

На стене в гостиной висит магазинная гладкостволка на пять патронов. Сейчас она, естественно, не заряжена. Осенью и весной над долиной пролетают гуси, и тогда мужчина, взяв собаку, уходит пострелять. Ему не очень нравится убивать птиц, и он не огорчается промахам.

Мужчина и женщина почти никогда не выезжают за пределы своей долины, да и зачем? Они счастливы и тут – можно даже сказать, что они счастливы именно потому, что отгородились от окружающего шумного мира цепочкой холмов. С детьми – сложнее. Сын добросовестно помогает отцу, но хочет уехать в город учиться на врача или адвоката, и родители знают, что скоро так и произойдет. То, что для старших свобода, для младших – клетка. Юноша вполне самостоятелен и согласен принять деньги для оплаты первого семестра лишь в долг – он собирается учиться и подрабатывать. Для родителей дело, конечно, не в деньгах: они подозревают, что птенец, покинувший гнездо, никогда уже не вернется в него. Им немного горько, но до отъезда сына еще почти целый год, а за это время многое может произойти.

Дочь пока еще не ходит в школу (вернее, ее пока туда не возят – до школы в ближайшем городишке полчаса езды), но уже умеет читать и писать. И еще она очень любит кататься на настоящей лошади и играть с котенком. Полосатый котенок сам прибежал откуда-то, наверное, из Дурных земель, голодный и жалкий. Поначалу он очень боялся лохматого пса, но теперь подрос и уже не боится. Он с удовольствием играет с девочкой, но еще больше любит охотиться на мышей, что шуршат на сеновале, и верит, что когда-нибудь поймает хотя бы одну.

Вот такой дом стоит у дороги, такие люди живут в нем. Их жизнь спокойна, размеренна и в общем безмятежна, хотя в ней иногда случаются и радости, и огорчения. Но огорчения со временем забываются.

Жена – романтик в душе. Она ничуть не чурается работы по дому и вместе с тем готова любоваться и первым снегом, и первым весенним ростком, проклюнувшимся из почвы, и первым шмелем, с гудением севшим на первый цветок. Иногда солнце, садясь за холмы, устраивает настоящее цветочное шоу, и тогда она зовет мужа полюбоваться вместе с ней. Вот и сегодня она говорит:

- Посмотри, как красиво. Красиво и страшно...
- Да, – отвечает муж, обнимая ее за плечи. Ему совсем не страшно.
- Какое зарево. Как будто Дурные земли горят...
- Да, – отвечает муж. – Это к перемене погоды. Завтра-послезавтра пойдет дождь.
- Кровавый дождь? Ты посмотри, небо, как кровь. Знаешь, по-моему оно разгорается...
- Оно не может разгораться. Солнце село. Тебе показалось.
- Нет, разгорается. Мне страшно...

Муж молчит, но крепче обнимает жену. Успокойся, родная, ничего страшного нет. Это только цвет, только небесные краски, необычные, очень красивые, немного грозные и совершенно безвредные. Успокойся, разве что-нибудь плохое может случиться с нами, с тобой и мной?..

И женщина успокаивается.

* * *

Я уже всерьез задремал, сдвинув набок шапку и создав таким образом амортизирующий буфер между головой и дребезжащим оконным стеклом, и даже успел просмотреть

обрывок сна о доме в солнечной долине, когда водитель дал по тормозам. Автобус развернуло и повело юзом. Позади кто-то охнул на вдохе и загремела выпавшая в проход детская раскладушка. Меня приподняло и уронило животом на спинку переднего сиденья. Съеденный на станции пирожок запросился наружу, но не был выпущен.

Несколько секунд мы ползли вниз по шоссе, по укатанному снегу, по грязному ледку замерзших к ночи луж, встав к оси шоссе ортогонально, или, как говорят моряки, лагом. Заняв все пространство от кювета до кювета – благо, машин на дороге не было никаких, ни попутных, ни встречных. Затем шофер ухитрился выправить свой самобеглый костотрясный агрегат и заставить его остановиться. Автобус не доскользил туда, куда ему хотелось, но осветить – осветил.

Первая ассоциация – впереди в кромешной тьме заливали каток. Такая же вода, такой же клубящийся пар над нею. В следующую секунду я подумал, что мы чуть было не заехали в незамерзающий пруд, согретый промышленными сбросами, но и это предположение не выдержало самой поверхностной критики.

Шоссе уходило прямо в воду. Мелкая рябь у кромки подъедала уезженный снежок.

Водитель матюкнулся и полез из кабины. Окутанный туманом, подошел к самой воде, поскользнулся, замахал руками и избежал купания. Вернувшись назад, взгромоздился на свое сиденье – сыч сычом. Злобно хлопнул дверцей.

– Блин, оттуда ехал – не было этого...

– Совсем сухо было? – спросил я, не поверив.

– Лужа была. Большая, но лужа, а не эта хрень...

– Наверное, трубу какую-нибудь прорвало, – высказала предположение сухонькая бабуля, подобравшая свою раскладушку и крепко в нее вцепившаяся.

– Может, и трубу, – хмуро согласился шофер. – Ну вот что: я туда не поеду. Кранты. Как хотите.

– А может, проскочим? – бодро предложил я. – Ложбина вроде неглубокая.

– «Вроде»! – передразнил водитель. – Кому лучше знать, мне или тебе? Тут по уши. Зальет карбюратор – что тогда? Ждать, покуда вытащат? До утра? Это тебе не проспект.

В его словах был резон. В России, как известно, одна беда – дороги строят дураки. Я повертел головой туда-сюда. Чернота, и нигде ни одной фары. Потом сквозь лобовое стекло посмотрел на неуместный водоем, нагло преградивший нам путь. Или мне показалось, или кромка темной воды и впрямь мало-помалу приближалась к нам.

– Что делать-то будем?

– А что делать? Возвращаться в Радогду, и всех делов. Может, завтра доедете. Или на шоссе выходите, а там ловите частника.

– Значит, объехать это можно? – с деланой небрежностью спросил я.

– Через Юрловку.

– Так в чем дело? Поехали.

– Сорок километров, и дорога дрянь. Двести рублей, – проявил водитель деловой подход. – Хотите – скидывайтесь, хотите – нет.

– Ох... – поморщилась бабуля. – А подешевле?

– Двести, – отрезал безжалостный шоферюга.

Четверых пассажиров (не считая меня и одного ребенка неплатежеспособного возраста) вполне хватило бы, чтобы устроить громкую бесполезную склоку на тему «раз рейсовый, значит, обязан», и весь народный гнев разбился бы без толку о кровососа-водителю и форс-мажор местного значения. Не люблю склок.

Со вздохом я полез в бумажник.

* * *

– Так вам непременно в «Островок»? – недоверчиво спросила меня дежурная за застекленным барьером. Музыцирующая радиоточка за ее спиной доверительно-хрипло сообщала, что ей нравится быть гитарной струною. Врешь, не выйдет.

– Непременно, – подтвердил я, протягивая в окошечко заполненную анкету, путевку и синюю книжицу Гильдии Беллетристов. В позапрошлом году Гильдия выбила в «Островке» одно постоянное место для своих членов, и меня специально предупредили, чтобы я ни под каким видом не соглашался ни на что другое. Референции об «Островке» были самые благоприятные.

Спрятав рот за ладошкой, дежурная дама зевнула затяжным зевком с легким прискуливанием.

– Пораньше приехать не могли?

Вопрос меня взбеленил. По своей, что ли, воле припозднился? Да и не так поздно еще было, часов одиннадцать.

– Пораньше не мог, – сказал я как можно суше.

– Ну, давайте ваши бумаги, – снисловилась дежурная и раскрыла синюю корочку. – Хм, Мухин... Не слыхала. Вы известный?

– Маститый, – буркнул я.

Вокальный надрыв насчет гитарной струны смолк, и после малой паузы из радиоточки начал извергаться Киркоров. К этому моменту я был готов вызвонить Мишку Зимогорова по мобильнику и прямо сказать ему, что я думаю о нем и о разрекламированном им «классном местечке» среди такой-то и сякой-то природы. Всякое терпение имеет предел.

Зря я рассчитывал попасть в санаторий засветло. Поезд опоздал. Не имею представления, какие препятствия встретились ему на пути – снежные ли заносы, экстренные ли составы с левым мазутом, пущенные по встречной колее, озлобленные ли неплатежами местные работяги, устроившие посиделки на рельсах, – но только последние километров двадцать до Радогды он тащился, как издыхающий червяк. Дернется, протянет немного и снова встанет. Отдохнет перед очередным поползновением, содрогнется – и опять...

К мелким превратностям жизни можно и должно относиться философски – но только в том случае, если после одной бутылки «Гжелки» на двоих с соседом по купе ты не влил в себя пару пива. Разумеется, проводница успела закрыть оба туалета еще до предсмертных конвульсий поезда и имела вид торжествующей добродетели. Жизнь, мол, не должна казаться пассажиру медом, и вообще здесь пригородная санитарная зона – да мало ли, что лес кругом! Все равно зона. Спорить и канючить, теряя лицо, я не стал – пока терпелось.

А когда железная дорога решила, что уже вволю натешилась над пассажиром, поезд вдруг закрипел, взвыл и в густеющих лесных сумерках, сбивая воздушной волной снег с еловых лап, рванулся вперед с такой прытью, будто увозил золотой запас от колчаковской конницы. Через десять минут я уже выпрыгивал на низкую платформу, зорко высматривая: «где тут у них». «Тут у них» оказалось неподалеку, и это обстоятельство на время примирило меня с действительностью.

Ненужные, несущественные личные подробности, скажете вы – и ошибетесь. Мне лучше знать, что существенно, а что нет. Вот когда я, как мы договорились, передам слово другому – тогда он, другой, и будет решать, о чем поведать миру, а о чем и умолчать. Его право. Иное дело, что многое при всем желании не удастся скрыть или исказить – дополнят и подправят. Причем с большим удовольствием.

Что до меня, то в опоздании поезда я подозреваю некий предварительный симптом, а справедливо ли – не мне судить. Просто подозрение, не больше.

От Мишки Зимогорова, лечившего в прошлом году в «Бодрости» свою экзему и действительно вернувшегося менее шелушащимся, чем обычно, я знал, что от Радогды до санатория час езды рейсовым автобусом. Судя по криво висевшему расписанию, я имел все шансы успеть на предпоследний рейс, не опоздай поезд. Теперь приходилось ждать последнего – пятьдесят минут. Как ни удивительно, ни одного частника поблизости не наблюдалось, а впрочем, чего еще ждать от такой дыры, как Радогда? Тут и поезд-то стоит одну минуту – надо думать, исключительно из уважения к почтенному возрасту городка да к его знаменитым народным промыслам, среди которых, как выяснилось, напрочь отсутствовал частный извоз.

Небо было черное. Провинциальные немигающие звезды устрашающей величины не смотрели оттуда – тарасились. Во все зенки. Что мороз крепчал – это уж как водится. Март мартом, а ночью прихватит – не обрадуешься.

Дважды я бегал в станционный буфет отогреться, выпил стакан кофе и съел пирожок, однако все равно заоченел. Хмель вытянуло морозом начисто. Много ли надо озыбшему для счастья? Только лишь увидеть, как, ломая хрусткий ледок примороженных луж, на крохотной привокзальной площади разворачивается давно не мытый «ПАЗик», украшенный надписью «Радогда – сан. Бодрость», и, достигнув остановки, визгливо распахивает дверь. Одну. Но разве мне надо больше?

Водила-кровосос, конечно, врал. Дорога через Юрловку оказалась вполне сносной. Во всяком случае, мой пирожок остался при мне.

* * *

По освещенной фонарями дорожке, сначала полого, а потом все круче спускающейся к речке Радожке, по дорожке, кое-где посыпанной песочком, к счастью, без соли, а кое-где скользкой, мимо вышки над скважиной для добычи местной минеральной воды, мимо двухэтажных белокирпичных корпусов санатория (так когда-то строили корпуса пионерлагерей, стандартный проект), мимо двухэтажной же столовой с пристроенным кинозалом (наверное, занятым под хозяйственные нужды – кто сейчас ходит в кино!) я дошел до горбатого мостика. Река была еще подо льдом, протока между правым берегом и островком, разумеется, тоже. А мост был знаменитый: деревянный, с резными загогулинами на перилах и без всяких там ледорезов перед сваями. Говорили, что толстые дубовые стволы были вбиты в дно метров на десять, если не больше, отчего мост выдержал уже три десятка ледоходов и выдержит еще два раза по столько. За мостом светились окна «Островка» – тоже деревянного и тоже с архитектурными выкрутасами привилегированного корпуса санатория.

Когда-то вокруг расстиались охотничьи угодья, хвойный бор был гуще, и где-нибудь поблизости, может быть, на месте столовой или буровой вышки, егеря выгоняли под выстрел кабанов и лосей. С началом перестройки местное областное начальство струхнуло и отдало одну из своих охотничьих баз под санаторий, о чем, вероятно, пожалело впоследствии. Видимо, построить корпуса да провертеть в земле скважину успели до разгула рынка, и санаторий начал действовать. Нервная система, эндокринная и гастроэнтеро... тьфу, забыл, как это называется... милости просим!

Холл в привилегированном корпусе был интересный: в два этажа, опоясанный балконом с балюстрадой. Никакого столика дежурной по корпусу, равно как и самой дежурной, я в холле не углядел. Углядел я там телевизор (работающий) и громаднейший камин с кованой узорчатой решеткой – бездействующий, ибо всяким-разным фендрикам простого звания, сменившим чиновных гостей с их обслугой, нельзя доверять дрова и спички, это вам всякий администратор скажет. Грейтесь у батареи и радуйтесь жизни.

Помимо телевизора и камина в холле имелись: большой красный ковер на полу, сильно потертый и запачканный возле входной двери, черный кожаный диван, несколько кресел, журнальный столик и три человека. Наверное, нехорошо прежде людей обращать внимание на обстановку помещения, но тут уж я ничего не могу с собой поделать – это у меня профессиональное. В детективе – особенно если он не современная чернуха о разборках среди «братвы», а именно детектив, – самое главное внимание к мелочам. Видавший многие виды телевизор породы «Горизонт» показывал старый фильм «Ураган» – на экране кошмарные волны смывали живописный островок и вторгшийся на бывшую сушу эсминец бодал форштевнем каменную церковь.

– Здравствуйте, – сказал я, поправляя ремень сумки, натерший плечо, и нашаривая в кармане ключ с биркой. – Не подскажете ли, где тут десятый номер?

– Комната, – неожиданно теплым и звучным голосом поправил меня мужчина, откинувшийся в кресле, и чуть всхотнул. – Тут у нас не номера, а комнаты. Или даже покои. Держим марку, обстановка обязывает. – Он обвел критическим взглядом потолок, оббитое деревянное панно на стене, узкие, очень пыльные окна в виде бойниц, продавленную казенную мебель и поправился: – То есть остатки обстановки. Но все равно надо соответствовать хотя бы остаткам...

– На второй этаж и направо, – перебил его бегемотоподобный выюнош необычайной толщины, не помещавшийся в кресле и потому занявший половину дивана. Голос у него был странный: клокочущий, как бы пробулькивающий басок явно покровительственного оттенка. Третий зритель, а точнее, зрительница – немолодая тетка, тоже толстая, но все же разместившаяся в кресле, – ограничилась тем, что сурово поджала губы. Лоснящаяся собака у ее ног (французский бульдог, если я что-нибудь понимаю в собачьих породах) подняла на меня морду и задышала. Привет, псина.

По деревянной скрипучей лестнице (одной из двух, и обе винтовые) я поднялся на второй этаж, отпер десятый ном... ну хорошо, десятую комнату, поставил сумку, осмотрелся и остался доволен. В первом приближении Мишка не соврал: в «нормальном» санаторном корпусе в такую кубатуру впихнули бы двоих, если не троих постояльцев. Мебель – не та, конечно, что стояла здесь при чиновных рылах, но все же добротная. Ковры на стенах – видимо, еще те, порченные молью, потому и избежавшие расхищения. Просторный санузел с душем – в номере. Чего еще желать?

Я вышел в коридор и, опершись на балюстраду, оглядел холл сверху. Телевизор показывал то немного, что осталось от злополучного островка, а вне телевизионного ящика народу прибавилось. Сухонькая, очень подвижная пожилая женщина, та самая, что высказала предположение насчет прорвавшейся трубы, когда автобус едва не въехал в невесть откуда взявшийся пруд, влекла куда-то чемодан, раскладушку и нахохлившегося мальчишку лет десяти. Поня-а-атно... Юркая старушка выбила в собесе бесплатную путевку в санаторий для поправки ревматизма, а детки тут же подсунули ей внука, дабы бабуля не заскучала в отрыве от родных....

Тут я почувствовал, что мой дедуктивный метод дал сбой. Если через собес, то почему в фешенебельный «Островок»? А, не все ли равно, какое мое дело! Лиц вновь прибывших я сверху не разглядел и заниматься физиономическим анализом не стал.

Вместо этого я вернулся в свой но... тьфу, в свои покои и стал смотреть в окно, выходящее, если я правильно сориентировался, на реку, противоположный берег и прочий ландшафт, все равно невидимый в черноте. Река, похоже, там все-таки была – ущербный огрызок луны вовсю старался заискриться снежную крупу на льду, что ему отчасти и удавалось. Обстановка располагала предаваться грезам о тишине и душевном равновесии, в особенности о благодатном душевном равновесии, хотя тишина – вещь, для работы обяза-

тельная. Вопреки тому, что было написано в моих бумагах (легкий невроз, общее переутомление), я приехал не отдыхать.

Совершенно не понимаю тех, кто может работать над текстом при шуме, того же Мишку, к примеру. Сам он на «Острове», по собственному признанию, не просыхал все двадцать четыре дня, зато в поезде, прямом и обратном (на круг чуть больше суток), нашлепал повестуху, которая пошла на «ура» в «Современном детективе», а теперь, переработанная в роман, вот-вот выйдет отдельной книгой в серии «Абсолютное убийство». Говорит, будто стук колес что-то там ему навевает – если не врет, конечно. Я так не могу. Мне подавай тишину, письменный стол и розетку, куда можно воткнуть шнур ноутбука. Впрочем, вместо письменного стола вполне сойдет и диван.

Положим, сегодня я работать не собирался, а намеревался осмотреться, согреться да и залечь баиньки, зато завтра прямо с утра...

Спустя минуту я без всякого удивления осознал, что думаю уже о сюжете нового романа, начатого с середины, и о его герое Гордее Михееве, человеке, гасившем звезды. Взглядом. Такая вот у него необычная способность, от которой ему самому тошно. А человек он импульсивный, самоконтроля никакого, к порядку в мыслях не привычен, взглянет на звездное небо не в добром духе – и считайте потери, господа астрономы. Полярную уже погасил. Да что Полярная! Обыкновенный белый гигант, явно не колыбель никакой цивилизации, если я правильно понял детскую астрономическую энциклопедию. Светило чисто эстетического назначения, уже давно практически не используемое в навигации, словом, не велика потеря. Зато как взглянет мой Гордей Михеев в очередной раз на небо, не понравится ему чем-либо некая тусклая звездочка – и привет. Он-то еще понять не успел, что натворило его подсознание, а звезда – пшик – и погасла. Безвозвратно. Зажечь ее вновь Гордею не под силу. А звездочка-то была желтым карликом, вроде Солнца, и вполне могла согреть обитаемые планеты...

И Гордей это понимает. Вспыльчивый, но совестливый. Нравственные муки. И не с кем поделиться отчаянием, разве что с любимой женщиной... Тут тоже пока непонятно, какой она должна быть: преданной герою и в нужную минуту бесстрашной а-ля стандартная героиня американских боевиков – или наоборот, приближенной к «правде жизни», то есть заурядной неумной пустышкой, поначалу высмеивающей Гордея, а потом бегущая от него, как брезгливый ангел от запаха серы, и в конце концов предающая его с потрохами. Вопрос. Пора садиться и гнать текст, а я еще не знаю, что у меня получится, боевик или драма. А тут еще, во-первых, на Землю прибывает маэстро Тутт Итам, замаскированный под человека засланец чужой цивилизации разумных ракошампиньонов, озабоченный энтропийной деятельностью Гордея и настроенный очень решительно, вплоть до испепеления Земли, если понадобится, а во-вторых, Гордей попадает в разработку к нашим родимым спецслужбам, причем сразу к нескольким... и действие начинает напоминать любезный мне детектив, пусть и фантастический...

Мешанина, вяло подумал я. Ирландское рагу с крысой. И тут в дверь постучали.

– Простите, к вам можно?

– Можно, – сказал я, едва ли не обрадовавшись помехе. Еще немного – и я включил бы ноутбук, скорее всего, напрасно. Не было у меня ощущения, что текст сегодня «пойдет». Нет, хватит мыслей о работе. Сегодня – отдых.

– Великодушно извините за вторжение, – расшаркался тот самый мужчина из холла. – Думал, устройтесь – спуститесь вниз, ждал вас, ждал... Я вам не мешаю?

– Нет, отчего же, – дипломатично-настороженно ответил я.

* * *

Посуда для коньяка была, конечно, неподходящая – чайные стаканы, ладно еще, тонкостенные, не граненые. Коньяк – далеко не «Наполеон», но керосином не вонял, и на том спасибо. Феликс Ильич Бахвалов наливал на самое донышко, уверяя при этом, что грубые дефекты любого напитка в микродозах не проявляются, зато скрытые достоинства так и норовят обратить на себя благосклонное внимание гурмана. Я не возражал. Он рассказал, как однажды в целях эксперимента растянул на десять дней бутылку портвейна «Кавказ» и получил истинное удовольствие. Я усомнился, и он порекомендовал мне попробовать. Продолжая пить гомеопатическими дозами, мы понизили уровень коньяка в бутылке на две трети, высосали несколько долек лимона, съели полшоколадки и остались на «вы», но он был уже просто Феликсом, а я просто Виталием. Дружелюбие без амикошонства – это я всячески приветствую и одобряю.

А внешность у него была замечательная. Нет, если анфас, то ничего особенного, нормальный русский мужик, но вот если повернуть его в профиль – чисто оживший истукан с острова Пасхи, разве что уши не оттянуты до плеч. Я чуть было не брякнул это вслух, но вовремя поймал себя за язык и подумал, что пьянею. Э нет, это мы пресечем, то есть не пьянство, конечно, пресечем, а хамство. Во избежание.

Перешли на личности – в смысле, кто чем занимается. Феликс заявил, что с первой фразы определил во мне москвича – по акценту. Я насторожился было, но быстро успокоился – в Феликсе не было ни капли провинциального чванства, успешно произрастающему почти повсеместно в противовес реальному или мнимому чванству столичному. Потом я рассказывал ему литературные анекдоты, а он мне медицинские. По-моему, медицинские были смешнее и как-то рельефнее, зримее, что ли. Я запомнил парочку и позднее записал, чтобы не забыть. Пригодятся в работе.

Нет, я не Плюшкин и не сорока-воровка, но позволить хорошей байке или просто талантливой словесной конструкции пропасть без дела выше моих сил. И можете сколько угодно называть меня плагиатором, мне от этого ни жарко, ни холодно. Вот так вот.

Потом мы забыли о гомеопатических дозах, и коньяк быстро кончился. Феликс похвалил висящие на стене оленьи рога и сказал, что у него в комнате к стене привешена кабанья морда. Я полез в баул и добыл бутылку «Смирновской» и баночку маринованных моховиков. Все-таки я был хозяином, и на мне лежала обязанность кормить и поить гостя. Водку Феликс одобрил, сказавши, что его гастриту она не повредит и в этом ее громадное преимущество перед коньяком, но предложил обождать и выйти пока в холл перекурить. Я ответил, что можно курить прямо в но... пardon, в покоях, если открыть форточку. И это решение мы скрепили торжественным пожатием рук, слегка посетовав на бездушие санаторной медицины, не предусмотревшей пепельниц в комнатах. Ведь если человеку, приехавшему лечить нервное расстройство, запретить курить, он же озверееет. Для курильщика курение не роскошь, а способ существования белковых тел, верно я говорю?

Феликс, затянувшись, заметил, что говорю я верно, но не все так думают. Вот, например, Милена Федуловна так не думает... да-да, это та самая дама с собачкой... то есть это племенной производитель Кай Юлий Цезарь, по национальности – бульдог... Если уж она торчит в холле, а по вечерам она всегда там торчит, то непременно выскажет педагогическую нотацию. Что?... А она и есть учительница. Заслуженная. Русский язык и литература. Еще и завуч, кажется. Больные почки. А тот парень с эндокринными проблемами – Ленья. Пофигист и вообще странный. Он ее пару раз до белого каления довел, по-моему, из чистого интереса, теперь она его опасается...

Потом мы ненадолго замолчали. За стеной, как видно, разворачивался скандал местного значения. Приличная звукоизоляция съедала слова, мне удалось разобрать только трагически-визгливое женское «ты меня в могилу вгонишь». Кто вгонит, кого – непонятно. Но кричала явно не Милена Федуловна.

– Этот Леня – он что, с мамашей приехал? – кисло поинтересовался я. Если такие концерты будут здесь ежедневно – поработаю я, пожалуй!

– Нет, он один... – Феликс замотал головой и прислушался. – А, это в девятом, по соседству. Он двухместный. Инночке опять жить мешают.

– Кто мешает? – спросил я.

– Мать, естественно. Надежда Николаевна, милейшая дама с язвой желудка. Впрочем, и неудивительно... У вас, Виталий, дети есть?

– Нет. А у вас?

– Думаю, нет. Я холостяк. А вы?

– А я разведенный.

Мы чокнулись и выпили за холостяков и разведенных. Потом Феликс долго и витиевато извинялся, что забыл мою фамилию, и просил повторить. «Мухин», – отвечал я. – «Давно детективы пишете?» – «Двенадцать книг уже». – «Ого! Странно, не помню вашей фамилии». – «Никто не помнит». – «У нас в больнице есть санитар, так он, как выпадет свободная минута, так и читает. И все детективы. Я у него иногда беру почитать, но вашей фамилии, вы извините...» – «Не извиняйтесь, я издаюсь под псевдонимом». – «А-а... А каким?» – «Колорадский». – «А почему?» – «Да так, тоже, знаете ли, насекомое... Но звучит лучше. Что это за фамилия для литератора – Мухин? Смех один. «Ваша фамилия Мухин, вы пролетаете...» Это цитата. Редактор один сказал, давным-давно». – «Понимаю... Да, Колорадского видел, точно помню. На лотках. Вот только не читал, вы уж извините». – «Не извиняйтесь. Я же не извиняюсь, что не лечил у вас ногу». – «Не отчаивайтесь, у вас еще все впереди». – «Вот тогда и заставлю вас прочесть».

На том мы и порешили. В смысле – порешили вторую бутылку, а заодно поговорили о том, у кого какие бывают фамилии, имена, псевдонимы, прозвища и кликухи. Вспомнили, естественно, Даздраперму. Я рассказал о человеке по имени Кратер, что означает Красный Террор. Феликс напомнил, что он Ильич, и признался, что получил от родителей имя в честь Дзержинского. «А отчество – в честь Ленина?» – брякнул я, и только когда Феликс заржал, понял, что сострил. Плохо дело. В разговоре я предпочитаю тонкий юмор, такой, чтобы собеседник через раз немного недопонимал и проникался уважением к глубине моего интеллекта. Настораживает, когда наоборот: вокруг покатываются, а ты сам еще не понял, что сказал. Впрочем, до роли Арлекина мне еще далеко, и на том расслабимся...

Странно, почему среди моих многочисленных друзей, приятелей и просто знакомых до сих пор не было ни одного ортопеда? И я подумал: как хорошо, что теперь он появился. Еще я подумал, что у моего Гордея Михеева что-то уж больно гладкая жизнь, хорошо бы ее осложнить, чтобы навек запомнил, подлец, как гасить взглядом звезды! Пусть за эту вредную привычку ему отстрелят мениск на левой, нет, на правой ноге. Крупнокалиберной пулей. Во время прыжка или, нет, лучше падения героя с моста. Пусть Гордей и его мениск упадут в воду порознь. Все это я изложил вслух и потребовал от Феликса медицинской консультации. Моя идея лишить героя мениска привела Феликса в восторг, и мы со вкусом обсудили сцену, где Гордея подстреливают влет, при этом Феликс сыпал медицинскими терминами, я порывался записывать, а он меня останавливал, уверяя, что завтра повторит все на бис.

«А грибки-то еще остались», – констатировал он, когда сцена была обсосана во всех криминально-медицинских подробностях. Я сказал, что понял, и достал еще одну «Смирновскую», сопроводив свое действие дельным замечанием насчет того, что вредно пресекать

естественные желания организма. Феликс подтвердил, что вредно, если они действительно естественные, и мы налили по новой.

Крику за стенкой прибавилось. Теперь кричали двое.

– Как давно они здесь? – спросил я, имея в виду неизвестную мне Надежду Николаевну, ее Инночку, а главным образом педагогические проблемы. С тихими проблемами, обретающимися по соседству, я еще готов мириться, с шумными – нет.

– Им еще неделя осталась или около того, – подумав, сказал Феликс. – Я тут десятый день, а они дольше. Старожилы.

– И каждый день крик?

– Ну почему каждый день? Каждую ночь. Днем Инночка спит, а вечером у нее гормоны штормят. Студентка-первокурсница, молодой организм.

– А-а, – сказал я. – И жить, значит, торопится, и чувствовать спешит. Ну ладно. А кто здесь еще обитает? Сключники, дебоширы, оперные басы? Я за тишиной приехал.

– В третьей комнате живет Борис Семенович, фамилии не знаю, – ответил Феликс. – Завтра увидите, если воздухом подышать решится. Он обычно тихий. Только с ним вот так вот, как с вами, не посидишь.

– Не употребляет, что ли? – попытался уточнить я.

Феликс хмыкнул.

– Употребляет побольше нашего, но в одиночку. Или с телохранителями. Их у него двое, Коля и Рустам. Оба во втором живут, он двухместный.

– Телохранители?

– Думаю, да. Тс-с! – Феликс приложил палец к губам. – И вообще он странный. Ходит – оглядывается. Я не психиатр, но, по-моему, у него вялотекущая шизофрения с манией преследования. Ждите обострения – весна на носу.

– Вялотекущая шизофрения – советский диагноз, – отбрил я, пристукнув для убедительности ладонью по стакану и едва не повалив его набок. – Слыхали, знаем.

– Может, и советский, – легко согласился Феликс. – Пусть хоть феодальный, нам-то что, пока пациент тихий. Не кусается, ну и слава Богу.

Оспаривать этот тезис я не стал, а потом, без всякого перерыва, мы за каким-то дьяволом оказались в холле, не забыв прихватить с собой уполовиненную бутылку, банку с остатками моховиков и одну вилку на двоих, причем спуск с винтовой лестницы начисто выпал из моей памяти. Поскольку у меня нигде не болело, я сделал вывод, что спустился все-таки своими ногами, а не скатился кубарем и не прыгнул с балкона. Не исключено также, что я научился левитировать. Почему бы нет? Если уж честный детективщик настолько сдурел, что начал писать фантастику, сюрпризы ему обеспечены. Помимо ядовитого брюзжания критиков насчет суконного рыла и калашного ряда. Но это еще как посмотреть – у кого там он суконный, а у кого калышный...

В холле давно уже не было ни толстой Милены Федуловны с ее сарделькоподобной псиной, ни толстого Лени. Вмурованные в камин часы показывали половину третьего, но, по-моему, не шли. На свои наручные часы я и не глядел – мало ли что может померещиться спяну. А Феликс, неизвестно откуда добывший пластмассовый стаканчик, уже наливал мою водку какому-то сморщенному мужичку в громадном обтерханном тулупе и валенках с большими галошами, совершенно неуместному на этих руинах обкомовского аристократизма, и по-свойски называл мужичка Матвеичем. Разговор у них, насколько я сумел уловить, шел о ловле налима, каковую рыбу Матвеич и тшился выудить посреди ночи из Радожки, а в «Островок» зашел погреться, оставив где-то в крошечной черноте посреди реки свои донки, ледобур и пенопластовый ящик. Ну, раз так, другое дело. Погреться – это не квартировать. Гостям завсегда рады. Но если Феликс сей момент не нальет и мне – это будет свинство и сепаратизм...

Хорошо помню, как я обрадовался, когда понял, что Феликс начисто лишен сепаратистских устремлений. Не люблю думать о людях плохое. Да здравствуют хорошие люди! И хорошая рыба, говорите? Да-да, и хорошая рыба для хороших людей с острова Пасхи. Ах, у налима только печень хороша, а сам он так себе? Тут я затруднился, пытаюсь изобрести подходящий тост, и мне сказали, чтобы я пил скорее, потому что стакан один, а коллектив в нетерпении. Я выпил и стал расспрашивать Матвеича, на какую приманку идут налимы. Ах, на живца? Лучше всего на пескаря? А сомы здесь водятся? А еще кто? Феликс тут же рассказал анекдот про русалку – бородатый, но смешной. Я похихикал. Любопытно знать, на что могла бы клюнуть русалка? Втроем мы обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что в это время года, пожалуй, только на водку – холодно им там подо льдом...

Нет, Матвеич был мне решительно симпатичен. И Феликс, конечно, тоже, и какой-то шустрый не то малец, не то гном, неизвестно откуда взявшийся, которому Феликс с жаром объяснял, что ортопед – не педик, а понятие, педик у ортогональное. И педагогу тоже. Ортопед. Прекрасные люди! Я подумал о том, как правильно я поступил, приехав сюда. Весь свет состоял из прекрасных людей, но здесь их было больше, и здесь они были ближе. Я всех их любил и всем признавался в любви. Даже чьему-то локтю, что поддерживал меня на пути вверх по винтовой лестнице. Голова кружилась, но это ровным счетом ничего не значило.

Потом, уже после очередного провала в памяти, меня рвало в ванной. Припоминаю, что я жутко стеснялся, думал о том, что звукоизоляция в номерах, пардон, в покоях все же недостаточна, и вроде бы даже старался приглушить звук, для чего вертел пальцами воображаемый верньер, а кончил тем, что действительно нащупал какую-то ручку и ошпарил себе загривок горячей водой из-под крана. Любовь ко всему сущему как-то подувяла. Вместе с любовью пропал и всякий интерес к этому миру. Зачем он? Весь мир сосредоточился во мне, единственном, он был чрезвычайно энтропиен, задышался, отмирал и распадался на части. Противостоять энтропии я не мог, а мог только, влача себя к кровати, наблюдать конец жизни по совету какого-то грека и посылать ему проклятия за то, что сам вот, наверное, наблюдал, гад, а не поделился с человечеством результатами наблюдений и вынуждает без конца повторять эксперимент...

Дотащив себя до неразобранной койки, я скovyрнул с ног ботинки и окончательно умер.

Глава 2

Зарево над холмами не гаснет до самого рассвета, заставляя меркнуть звезды на западе, но взошедшее солнце обращает его в ничто. С утра мужчина занят в конюшне, женщина хлопот по дому. Оба нисколько не устают от этой работы, она им нравится. Вычистив стойла и поменяв солому, мужчина долго, с удовольствием чистит лошадей. Лошади довольно фыркают: у хозяина всегда найдется в кармане кусочек сахара или ломоть хлеба с солью. Лошади косят умными глазами и коротко, вполсилы ржут: а может, хозяин, сегодня прокатимся по долине? Нет? Ну что ж, побегать в загоне тоже неплохо...

Женщина готовит завтрак и накрывает на стол. Ей кажется, что фарфоровые чашки с китайским рисунком – старинные, теперь таких не делают даже в Китае – плохо вымыты, но она не сердится, а, подавив досаду, моет их как следует водой и пеной. Одновременно она успевает напомнить сыну, чтобы тот заправил постель и покормил собаку, а кроме того, следит за дочкой, чтобы та не слишком баловала приبلудного котенка сметаной и другими лакомствами. Дочь не спорит с мамой, но насчет диеты для котенка имеет собственное мнение. Котенок, кстати, тоже.

Я прекрасно понимаю, что вижу сон, но мне все равно нравятся эти люди с их домом, лошадьми, старой умной собакой и юным своевольным котенком. Когда я проснусь, то забуду о них, но сейчас они для меня живее всех живых. Я не вмешиваюсь в их жизнь, я наблюдаю.

Странно только, что я вижу этот сон уже во второй раз.

И уже точно знаю: что-то должно случиться.

Текут лучшие утренние часы: солнце еще невысоко, до полуденного жара, когда стиснутая холмами долина раскалится, как сковородка, еще далеко, легкий ветерок приятно холодит. По дороге, проходящей мимо дома, со стороны Дурных земель, поднимая пыль, дребезжа и завывая слабосильным мотором, на полной скорости несется древний грузовичок. В открытом кузове горой навалены стулья, столы, чемоданы, большие узлы с вещами, кадка с пальмой и зеркальный шкаф с треснувшим зеркалом. Водитель не останавливается возле дома, а старая собака, подняв голову от миски, провожает грузовичок недоумевающим взглядом, нюхает пыльный выхлоп и укоризненно чихает.

Проходит не более получаса, и низко над долиной, держа курс на запад, пролетают два вертолета в камуфляжной раскраске. Они летят на большой скорости, низко опустив носы, чем-то напоминая двух бегущих по следу собак, и уже через минуту скрываются за холмами.

Два необычных события в день – до странности много для уютной мирной долины. Заканчивая завтрак, муж и жена обсуждают грузовичок, вертолеты и предположение сына о том, что в Дурных землях что-то случилось. Диспут заканчивается консенсусом: в Дурных землях может случиться что угодно, и нормальным людям незачем там жить.

Беспечный застольный разговор окончен, но события продолжают: после полудня, в самое пекло, на дороге вновь виден пыльный хвост. На сей раз в сторону Дурных земель движутся два пятнистых армейских джипа и легкая бронемашина. Они спешат, но не чересчур: молоденький лейтенант спрыгивает с притормозившего джипа, чтобы купить лимонад и жевательную резинку. Что случилось? Нет, ничего, обычные маневры. Дурные земли самой природой превращены в идеальный полигон, но по эту сторону холмов, разумеется, ничего такого не будет, нет ни малейших поводов для беспокойства...

Семья вполне удовлетворена объяснением (правда, разговоров о маневрах хватит на несколько дней), а лейтенант прыгает в джип, тот стартует с места, подобно гоночному болиду, и резво уносится догонять второй джип и бронемашину.

В поле сегодня работы нет. Сын прилежно, хотя и с молчаливым неудовольствием, помогает отцу чинить сеялку, затем следит, чтобы сестренка, канючившая весь день и добившаяся своего, не упала с лошади. Сестренка каталась бы еще и еще, но брат говорит, что ему пора готовиться к экзаменам. Наступает вечер. Хозяйка то и дело поглядывает на дорогу, однако та остается пустынной до самой темноты. Это странно: редко бывает так, чтобы за полдня мимо дома не проехала ни одна машина. Но жизнь устроена так, что иной раз допускает и странности.

Нет поводов для беспокойства. Нет.

Самый обычный вечер. И утро – можно поспорить на что угодно – будет таким, как всегда...

* * *

А утром я казнил себя казнью египетской – морально, в то время как алкогольные токсины расправлялись со мной физически. Не человек, а отравленная амеба, умирающая в сточном коллекторе. И почему у меня отчетливо пульсирует в голове, если сердце не меняло своей дислокации? «Яду мне, яду» – это мы проходили. А вот как быть, если яд подействовал вполсилы?

При мысли о предстоящих мне телодвижениях я замычал в знак жалобного протеста. Во-первых, мне предстояло подняться с постели и довлечь себя до стола. Во-вторых, взять стакан, сходить в ванную, сполоснуть его и наполнить водой (никакой водки на опохмел в рабочий день, да и нет ее уже). В-третьих, я должен был накопать в своей сумке аптечку с обычным набором для поездок, а в ней найти упаковку янтарной кислоты (не перепутать!) и принять две таблетки сразу и одну – чуть погодя. Может быть, после завтрака, если я до него доживу.

И я дожил. Постановывая и временами пугаясь возможной потери сознания с последующим ударом виском о какой-нибудь твердый угол, я проделал все намеченные телодвижения и даже сверх того: обулся и умылся («а немывтым паразитам – стыд и срам!»). Не мешало бы побриться, но не было сил.

Вкус местной минералки ассоциативно напомнил о выпитой вчера водке. Ну да, верно, минералкой же ее и запивали... Справившись с тошнотой, я некоторое время убито смотрел на стол, избегая останавливать взгляд на тарелке, наполненной раздавленными окурками, и гадал, откуда на нем взялись две пустые бутылки из-под пива. Пива я не помнил и так и не разрешил эту загадку.

А в окно, отражаясь в замерзшей Радожке, играя пылинками на стеклах, валилось солнце, похожее на желток в яичнице. Прямо от «Островка» на основательно осевший и затвердевший блестящей коркой снег на речном льду спускалась лыжня и исчезала в березняке на том берегу, пологом и приплюснутым, как лоб анацефала. Правее лыжни блестящая корка нарушалась многочисленными вдавливаниями, там же, наверное, были насверлены лунки. Геройского рыбака Матвеича не было, и только крупная серая ворона не спеша ревизовала истоптанную гололедь в надежде найти не пошедшего в дело живца или еще что-нибудь съестное. По свойственной мне поутру, особенно с похмелья, тяге к черной меланхолии я представил, как Матвеича, замерзшего ночью насмерть, поутру обнаруживает стая ворон и начинается пиршество... Хотя нет, воронам такое не под силу. Уж тулуп бы точно остался. Разве что волки...

Не было здесь волков, это точно. Был лес – нетронутое березовое густолесье на левом берегу Радожки и попорченный хвойный бор на правом. В меру, впрочем, попорченный. Никогда в этом лесу не устраивали свалок, ни бытовых, ни промышленных, не хоронили тайком зловредных отходов, не добывали живицу и деловую древесину, не пытались зато-

пить его очередным водохранилищем, никогда через него не проходила линия фронта и не перли сквозь него, давя подлесок, дыша смрадом и смертью, пятнистые панцеркампфвагены. Да и кабанов сюда, наверное, завозили специально – на отстрел вельможным рылам. Свин, бедняга, и шансов-то не имел: сплехует рыло, так егерь спокойненько куда надо жакан влепит, и все дела. Тоже дарвинизм. Интеллектом-де зверя берем, интеллект у нас цельносвинцовый, без оболочки, повышенного останавливающего действия...

Что до моего личного интеллекта, то его текущее состояние я честно признавал плачевным. Бесспорно, за работу я сегодня сяду, но не раньше, чем после обеда. И желательно после часа-другого послеобеденного сна. Гор не сверну, но хоть наколочу для затравки десяток килобайт, и то хлеб.

Вернее – на хлеб. На масло и остальное наколочу завтра.

Нацепив куртку, заперев номер и в очередной раз вспомнив, что это не номер, а покои, в крайнем случае комната, я проследовал к винтовой лестнице. Лестница была классическая, из рыцарского замка, вынуждающая атакующего бедолагу перекладывать меч из правой руки в левую. Наверное, в мрачном средневековье особенно ценились бойцы-левши и служили за повышенное жалованье.

А впрочем, вторая лестница была завита в обратном направлении – наверное, на тот случай, если какой-нибудь хитроумный барон укомплектует штурмовой отряд одними левшами.

Периодически зажмуриваясь, чтобы не вызвать головокружения, и не отпуская гнутых перил, я свинтился по лестнице в холл. Кожаный диван был пуст, а в одном из кожаных кресел сидел крепкий стриженный парень в хорошем костюме и смотрел телевизор. Я пожелал им обоим доброго утра, и парень настороженно ответил мне тем же. Уже в спину. Простите, мне некогда. На воздух! На воздух!

Воздух был прекрасен. Как нашатырь. Как противоядие от этанола (при мысли об этиловом спирте в желудке у меня бултыхнулось). Воздух был упоен... тьфу, то есть напоен чем-то таким... Весна, словом. Я осторожно вдохнул поглубже и задышал размеренно, как стайер. Полезно. Вот позавтракаю и до обеда благовоспитанно погуляю, подышу. Мишка говорил, что где-то здесь можно без проблем взять напрокат лыжи – но это не сегодня. Сегодня будет моцион, предписанный старикам и выздоравливающим. И самое главное – не думать до обеда о тексте, иначе головная боль не пройдет никогда, несмотря на две таблетки янтарной кислоты. Я себя знаю.

Можно было и не ходить в столовую. Кое-что из съестного еще оставалось в недрах сумки, но еда – тлен... Не ради еды я шел, а нес брненное тело на свою персональную Голгофу, на пологий, но высокий бережок... ничего, в качестве искупления сойдет и такое восхождение, а на Эверест за искуплением я не полезу, каков бы ни был грех, и не просите. Превыше всего – что? Правильно, мера. Эти древние мудрецы знали толк в похмелье.

При дневном свете резные выкрутасы перил горбатого мостика не производили впечатления. Вдобавок под настилом были проложены две толстые трубы, обмотанные чем-то серым и лохматым. Из одной выбивался парок, на лед капало.

Скользя, я перешел мост и одолел Голгофу не кратчайшим лобовым путем, а по ступеням, которых вчера не заметил. Нормальные герои всегда идут в обход. Особенно если наверху – завтрак, отнюдь не желанный, но необходимый. Чего только ни вытерпишь ради литературного процесса. Было без пятнадцати десять, и если утренний корм здесь задают в девять, мне следовало поторопиться.

Сухоныкая старушка в пальто и пуховом платке, зорко пасущая мальчишку плутоватого вида, попалась мне навстречу и поздоровалась, как с добрым знакомым. Я механически ответил. Кто такая? А, ну да, это та, с раскладушкой. Та, что явно обрадовалась, когда я заплатил за всех кровососу-шоферюге. Интересно, зачем я это сделал? Альтруист хренов. И почему

ее все-таки поселили в «Островке»? Теперь не отделаешься: будет всякий раз показывать мне свое расположение, то есть заговорит меня до умопомрачения – о внуках и болячках. Оно мне надо?

Кашу-размазню в полупустой уже столовке я, разумеется, брезгливо отверг, а творожок со сметаной – съел и, запив молоком еще одну таблетку, почувствовал себя несколько более пристойно. Теперь – моцион до упаду.

Первый упад случился очень скоро – скользкая дорожка, неловкий взбрык, попытки эквилибристики и, сами понимаете, полное фиаско, ноги выше головы и в растопырку. Оверкиль. В черепе злорадно отдалось болью. Ну что за сволочи – не могли везде песочком посыпать! Больные же ходят. И старенькие. И отравленные.

Держась малоутопанных тропинок, я обошел территорию санатория по периметру. Никаких впечатлений. Стандарт. Корпуса да сосенки. Угрюмая котельная с железной трубой. Робкая лыжня, варварски истоптанная чьими-то гигантскими ступнями, – не иначе по следам лыжника прошел обутый йети. Воздух – стерильный, без запаха. По-над рекой хотя бы весной пахло, теплой речной сыростью.

Я отколупнул от соснового ствола немного присохшей смолы, сунул в самый нос. Нормально. Зимой в лесу скучно без запахов и лес не лес.

Через час я знал территорию вдоль и поперек, изучил топографию дорожек, подавил приступ дурноты при взгляде на ряды бутылок в местном магазинчике, выпил стакан бесплатной минералки в амбулаторном корпусе, иронически похмыкал над больными, чинно сидящими в очереди на лечебные ванны и погруженными в захватывающее чтение собственных медицинских карт, изучил зачем-то расписание всевозможных процедур и прочитал, какие фильмы привезут на этой неделе (кинозал все-таки действовал). Я оживал. Я подставлял солнцу лицо, лепил, посмеиваясь, снежки из подтаявшего снега, швырялся ими в деревья и все время мазал. Я высматривал фигуристых медичек, но не высмотрел ни одной пригодной для флирта. Интересно, они сменами работают или как? Завтра будет смысл половить шансы?

Возвращаясь, я специально остановился на мосту, чтобы полюбоваться «Островком» при дневном свете. Корпус был деревянный, на мощном каменном фундаменте (натуральный дикий камень, не пошлый бетон, исчерканный надписями). По-моему, строители тщились гармонично совместить в одном здании комфортабельный охотничий домик для избранных гостей, генеральскую дачу и расписной терем-теремок – и не преуспели в задуманном. Как ни крути, получалась эклектика. На кой ляд они прилепили к краям фасада две жутко тесные и явно нежилые восьмигранные башенки под островерхими крышами, увенчанными ржавыми флюгерами в виде ландскнехтов с алебардами, – оставалось только гадать. На фоне вполне старорусского, хотя и немного слащавого резного крыльца, рыжей металлочерепичной крыши «под терем» и загогулистых оконных наличников эта псевдоготика производила странное впечатление.

– Любуетесь? – послышался голос.

Я тотчас ответил в том смысле, что да, люблюсь, и обернулся. Кто такая?

– Здесь хорошо, – сказала удачно сохранившаяся дама лет сорока, прячущая пол-лица за огромными очками в тонкой оправе. – Тихо... – Тут она с сомнением поглядела на меня, вероятно, пытаясь понять по моему лицу, слышал ли я ночные вопли. – Вы ведь в десятом номере живете? А мы с дочерью в девятом, он двухместный. Надежда Николаевна, – церемонно представилась она и протянула мне руку – то ли для пожатия, то ли для поцелуя, не поймешь. Я пожал и представился:

– Виталий Павлович. Только почему номера? Мне сказали, что тут эти... покои. Ну, в крайнем случае комнаты.

Она кокетливо рассмеялась.

– Это вам, наверное, Феликс сказал? Он любит разыгрывать. Вы ведь здесь впервые?.. Я так и подумала. Мы с Инночкой тоже. Такую путевку, чтобы непременно попасть в «Островок», достать, знаете ли трудно...

Я пожал плечами – мне трудно не было. Трудность состояла в другом: дать даме понять, что сейчас я не расположен разговаривать ни с нею, ни с кем иным, и по возможности сделать это так, чтобы она не обиделась. Мало того, что в голове у меня все еще шумело, так подлему случаю заблагорассудилось впихнуть туда мучительный вопрос о разнице между дамой, приятной во всех отношениях, и просто приятной дамой.

По-видимому, мое плечепожимание было истолковано Надеждой Николаевной в мою пользу. Она тотчас расцвела.

– А вон там что такое? – вовремя упредил я вопросом следующую ее реплику и указал влево. – Вроде фундамент?

– Вон те руины? Когда-то там была сауна. Только сгорела.

– А-а, – сказал я. – Пойду гляну. Я тут еще не осмотрелся. Вы извините.

Прежде чем она предложила мне себя в гиды, я уже шагал к руинам, радуясь, что так легко отделался. Не нужны мне были никакие люди, включая дам, приятных во всех отношениях. Правда, и руины горелой сауны были мне совершенно ни к чему, но тут уж пришлось выбирать. Руины хотя бы молчали. И днем, и по ночам.

Я не археолог и не следователь, но время возгорания сауны уверенно отнес к послеобкомовскому периоду истории «Островка». Какой бы пьяный разгул ни царил здесь во времена развитого загнивания, сгореть сауне обслуга не позволила бы. После – сколько угодно. Попарились начальник стройки санатория с прорабом... Впрочем, мое-то какое дело? Я выздоравливающий от нервного переутомления, мне не баня, а душ Шарко показан. И продолжительные пешие прогулки.

Я нашел, что остров невелик, сильно вытянут вдоль течения – примерно триста на сорок метров – и довольно высок, хотя, конечно, не выше коренного берега. Надо полагать, в самое мощное половодье вода и близко не подбиралась к «Островку».

Могучие сосны настраивали на торжественный лад. Между ними вилась узкая тропинка – как видно, иные обитатели привилегированного корпуса подчеркивали свою оторванность от остального санаторного мира, ограничивая моцион куском заснеженной суши посреди замерзшей воды.

Милена Федуловна – безусловно. Следов ее собаки вокруг тропинки было предостаточно, и я посочувствовал ей, то есть собаке. Судя по следам, местами тяжелая бульдожка в естественном стремлении к ближайшей сосне проваливалась снег по брюхо.

Помимо бульдожкиных, еще одни следы привлекли мое внимание – мелкие вдавлины в виде крохотной пятерни на подтаявшем рыхлом снегу. Они начинались от тропинки, бежали метра три вдоль нее и возвращались на натопанное. Как раз в этом месте с сосновой лапы недавно упал пласт свежего снега, и цепочка следов отпечаталась отчетливо. Следы левой пятерни и правой пятерни, каждый не более пятирублевой монеты. Ниже пальцев – что-то вроде крошечной пятки. Не то кто-то забавлялся, не то приехал сюда с обезьянкой.

Гм. А мне-то какое дело, собственно?

На ближнем берегу какой-то лыжник развлекался тем, что карабкался «елочкой» на склон и по разъезженной лыжне скатывался с него на лед, отчаянно балансируя руками и теряя палки. Выглядело это забавно. Кто-то, пытаясь загорать, подставлял солнцу бледную спину. На середине реки одинокий рыболов гипнотизировал лунку: Матвейч или кто другой – не разобрать. Спускаться на лед я не стал, а вместо этого вернулся в дом. Предварительно убедившись, что возле входа меня не караулит Надежда Николаевна, милейшая дама с язвой желудка.

* * *

В холле меня встретил ор. Уже знакомый мне крепкий стриженный парень тащил из коридора первого этажа взбрыкивающего мальчишку, держа его на весу за штаны и воротник, а остальные присутствующие – я насчитал их четыре или пять, в том числе Феликса в вязаной шапочке и с лыжами – громко возмущались бессердечностью стриженного громила, крупными дефектами в воспитании мальчишки и друг другом. Один толстый Леня не лез в перепалку, а откровенно веселился, колыхаясь студнем и подфыркивая. На него глухо рычала французская бульдожка Милены Федуловны, явно избрав цель не самую шумную, но самую крупную. Вот и говори после этого, что стратегическое мышление свойственно только людям.

Чувствуя, что в бедной моей голове вот-вот вновь заворачивается ржавый гвоздь, я поспешно поднялся на второй этаж, оставив скандал позади, и по пути успокоил совесть, удостоверившись, что, как я и думал, мальчишке ничего не грозило. Стриженный парень молча поставил его посреди холла и удалился с каменным лицом. Полез, значит, малый куда не надо. Я вспомнил о неизвестном мне Борисе Семеновиче с манией преследования и телохранителями и перестал удивляться. Все правильно, манию надо беречь от посторонних посягательств.

Крику в холле меньше не стало, но теперь он меня несколько не интересовал. Перед своей дверью полез в карман за ключом – в брючный левый, как обычно, – и сделал неприятное открытие: ключа там не было. В одну секунду в моей несчастной голове пробежал целый ряд неприятных картин: спешить, проклиная себя, к месту своего падения на льду (а где еще он мог выскользнуть?), искать там, скорее всего напрасно, затем тащиться в административный корпус, унижаться и кланяться за запасной ключ, вероятно, платить штраф – небольшой, а неприятно... Я захлопал себя по карманам, и возликовал, обнаружив ключ в правом, курточном. Ну, это бывает, с похмелья и рефлексы отказывают... Я вонзил ключ в скважину, и тут неожиданно дверь распахнулась. Она не была заперта.

Как хотите, а это был сюрприз похлеще якобы потерянных ключей. Демон нехорошего подозрения, зашевелившийся в моей голове, был несколько не приятнее царапающего ржавого гвоздя. А запирали ли я дверь перед уходом? Вроде да. Хотя, если честно, этот момент как-то выпал из моей памяти и вернуться назад не пожелал, сколько я ни напрягался. Э! А не пропало ли у меня чего?!

Первым делом я кинулся к сумке. Деньги, документы – на месте. Ноутбук – тоже на месте. На душе сразу отлегло и как-то потеплело. А что в сумке шурум-бурум, так это я сам вчера все перевернул, когда доставал водку и грибочки. Стоп! Где сотовик?!

Я заметался было, но вскоре обнаружил свой мобильник в складках неубранной постели. Выходило, что ничего не пропало. Но кто дверь-то открыл?

Уборщица? Я с сомнением посмотрел на стол, пол и постель. Нет, только не уборщица. Не было тут уборщицы. Неужто я все-таки сам не закрыл? Наверное, сам. Старею. Наверное, старость определяется не количеством прожитых лет, а размерами дыры в голове.

Утешив себя этим соображением, я посмотрел на часы: половина первого. Прислушался: в холле продолжали орать. Выждать полчаса и поплестись на обед? Я в сомнении пожевал губами. Пожалуй, ну его. Представляю себе здешний питательный бобовый суп. Лучше чай с печеньем, одна сигарета перед сиестой – но только одна! – и баиньки. С настежь распахнутой форточкой для окончательного просветления головы.

Так я и сделал.

На этот раз сон ко мне пришел какой-то левый, посторонний и никчemuшный. В этом сне я ездил на экскурсионном автобусе по асфальтированной Москве-реке, расположенной

почему-то выше кремлевских стен, и вполуха слушал болтовню гида. Глупый сон и предельно прозрачный в толковании. Вон за окном замерзшая Радожка, насмотрелся, а остальное – шутки урбанизма. Пренебрежем.

Зевнув и сказавши себе «агу», я почувствовал себя бодрым и готовым к трудовым подвигам, после чего столь решительно вогнал в розетку шнур ноутбука, будто собирался ее дефлорировать. Мои силы вторжения в неизведанную область копились у границы, тылы подтягивались, танковые армии начинали выдвижение из глубины, а стратегическая авиация раскручивала моторы. Ну, вперед!..

Многие не любят писать начало романов, а я люблю. Вариантов – сотни, бери любой, кроме занудных, и не прогадаешь. Вот дальше – сложнее, потому что чем ближе к финалу, тем больше всякой всякости, тобою же написанной, приходится держать в памяти, тем больше шлагбаумов неожиданно опускаются перед самой физиономией: того уже нельзя, этого тоже, и в конце концов широкая, как аэродром, дорога, превращается в узенькую кривенькую тропинку... бр-р. Нет, начало – лучше. Каких персонажей захочу, таких и выдумаю, и сделаю с ними то, что мне левая пятка подскажет. Пока можно. Эх, веселись, душа!..

Скажем, стоят на мосту двое влюбленных (где ж им и стоять, как не на мосту?). Тридцать семь лет на двоих, в головах сквозняк, в желудках немного пива, в карманах – шиш. Обалдуй и обалдуйка. Или даже не влюбленные, а так, допустим, он к ней клеится, не очень умело, но старательно. Холодно. Ветер. На воде – рябь. На обоих – куртки, обширные такие, как с поддувом от компрессора. Она, дура, естественно, романтическая... или нет, пусть изображает дуру из спортивного интереса: будет ли парень ей подыгрывать и насколько далеко зайдет в имитации кретинизма... так вот она, понимаете ли, вслух любителю мерцанием звезд, динамистка, а парень-то уже понимает ее игру и, ясное дело, злится. И – хлоп! – одной звездой на небе меньше. Вдруг. Стухла. Это мой Гордей поглядел на нее дурным глазом. Померещилось? Очень может быть. Оба так и подумали. Да и звездочка была так себе, не Сириус. Ну и ладно. Девчонка динАмит, Гордей доходит до белого каления, ссора, «катись отсюда» и другие милые словечки, мысль прыгнуть в воду, зябко, много чести стерве (стервецу), проще выбросить ее (его) из головы – и разошлись, как в море корабли. Сколько-то времени спустя повзрослевший Гордей в сходное время суток случайно оказывается на том же самом мосту (непременно на том же – реперный знак в памяти!), что-то припоминает и, усмехаясь, вперяет взгляд во-он в ту звездочку. Хлоп – нету. Как корова языком. А ну-ка еще эксперимент! Хлоп – еще одной звезды нету. Место такое аномальное, да? Гордей стремглав бежит с моста на набережную. Хлоп – третьей нету! «А если так же на Солнце поглядеть?!» – здравая деструктивная мысль. Энтропийный гений Гордей бредет по ночным улицам, ничего не замечая, зачерпывая ботинками осенние лужи, колени дрожат, на лице – безумная улыбка... Стоп. Достаточно. Конец пролога. Кстати, насчет моста – это я хорошо придумал. Мост пригодится. Вот при прыжке с этого самого моста моего Гордея впоследствии и подстрелят в коленный мениск...

Текст лился на магнитный носитель ровно и солидно, как нефть из удачно пробуренной скважины. Дважды я совал в кружку кипятильник и сыпал в кипятки растворимый кофе. Грыз сахар, полезный для извилины. Нефть шла хорошо, насос не надрывался и не захлебывался. Самое оно. Я дописал пролог и приступил к первой главе.

Обсерватория на плато в пустыне Атакама. Жара, адова сушь. Почта. Почтальон-индеец в гигантском сомбреро, клетчатом пончо и верхом на облезлом гуанако. Не гуано, а гуанако. Местный колорит. Не уверен, что бывают верховые гуанако, ну да потом проверю, а пока поставлю в скобках знак вопроса. Письма. Бумажные, в конвертах. Электронную почту – отринуть, потому что тогда не будет колоритного почтальона. Сразу два послания от взволнованных любителей астрономии – куда, черт подери, девалась звезда Гемма из созвездия Северной Короны? (В скобках вопросительный знак – проверить при-

надлежность звезды указанному созвездию!) Аспирантка с тяжким вздохом велит студенту-практиканту разобраться, что там с этой Геммой... Ночь. О ужас!!! Где Гемма? У всех тихо едет крыша. Нет Геммы, ни визуально, ни телескопически...

Тут моя нефтяная вышка закапризничала, нефть пошла нерегулярными толчками и вскоре иссякла. Ну и ладно. Завтра восполнится и еще накачаю, а на сегодня достаточно. Я почувствовал такой голод, будто неделю не ел. Ну да, конечно, прозевал ужин! Так мне и надо, нефтяному магнату, арабскому шейху...

Посмеиваясь, я умял банку шпрот с хлебом и запил крепким чаем. Полегчало. Вытряхнул в корзину полтарелки окурков, достал из сумки новую пачку сигарет и раскрыл пошире форточку.

Я улыбался. Текст пошел, и живой текст. По-настоящему книга живет только до тех пор, пока ее пишешь. Вышла из печати – умерла, превратилась в зомби. С виду вроде живее всех живых, а души в ней уже нет, и начинает она постепенно умирать, пока тихо и неприметно не уляжется где-нибудь сухой мумией. Кто о ней вспомнит через десять лет – разве что какой-нибудь дотошный библиограф... А бессмертные книги я делать не умею и, похоже, уже не научусь...

Интересно знать: чего ради редактор серии «Абсолютное убийство» в издательстве «Бомбарда» подбил меня написать не просто детективный, а детективно-фантастический роман? Если исключительно в целях расширения читательской аудитории, то Бога ради, какой автор сдуру станет возражать? В таких делах у автора и издателя всегда трогательный консенсус. А может, задумана новая серия, чисто фантастическая, без громких имен, кои давно расхватаны конкурентами, и мне уготована роль паровоза? Тут надо было серьезно подумать, прежде чем брать аванс: а на кой это мне? Вместо сомнительных экспериментов писал бы и дальше о разборках «братвы» и в ус не дул. Продолжил бы цикл о Перееханном Дрезиной, типаж себя еще не исчерпал. Покупают ведь. Что еще надо, кроме ноутбука, крепкого кофе, коньячка по вечерам да штанов, устойчивых к истиранию? Талант? Не смешите. Только желание работать, каковое желание все чаще замещается банальной необходимостью. Больше ничего. А то, что сам себя не можешь перечитывать, не говоря уже о текстах коллег, – кого это интересует? Никого. Еще не спекся? Нет. Ну и пиши.

За праздными мыслями надо следить и не давать им воли, иначе они непременно схватят тебя за шиворот и окунут мордой в пессимизм, я себя знаю. Поэтому я взял себя в руки, проделал несколько физкультурных упражнений, умылся холодной водой и без жалости растер физию жестким полотенцем. Так ей и надо.

Стояла тишина. Безусловно, отвратная склока в холле завершилась до моего пробуждения, иначе черта с два я смог бы работать. Начать – точно не смог бы. Это потом меня несет и все посторонние звуки исчезают. Нечто подобное, если верить Джеку Лондону, происходит с ездовыми собаками: самое главное не свезти нарты, а стронуть их с места.

Теперь душе хотелось общества, разговора, и, может быть, толики спиртного, но именно толики, не больше. Прислушался. В холле вроде кто-то был. Ну вот и хорошо.

Уже уходя, я бросил взгляд на свои апартаменты. Нет, свину – свинское, а мне не чуждо ничто человеческое. Я собрал с пола пустые бутылки и запихнул их в мусорную корзину. Поправил простыню на кровати и аккуратно застелил ее одеялом. Взбил подушку, перевернул ее другой стороной вверх – и разом утратил хорошее настроение. На белоснежной наволочке темнело грязное пятно. В виде маленькой, с пятирублевую монету, пятерни.

Глава 3

– Значит, в Радогду все еще не проехать? – сокрушенно спросила Мария Ивановна. – Только через Юрловку?

Снявши свой старушечий платок, она больше не выглядела бабкой. Очень сухая, очень подтянутая пожилая женщина вполне интеллигентного вида. Тоже, кстати, учительница, как и отсутствующая Милена Федуловна, которой, по правде говоря, куда больше подошло бы называться Марь-Иванной. Географичка с непогасшим энтузиазмом в глазах. Наверняка таскает своих недоразвитых оболтусов по музеям и походам, учит их не блудить, то есть не заблуждаться... тьфу, не блуждать в лесу и определять минералы по внешнему виду. Примерные ученики к таким учителям равнодушны, шпана их ненавидит, зато середнячки с кое-какими мозгами под черепной крышкой от них без ума. По себе помню, у нас в школе был такой типаж, только преподавал тот типаж не географию, а физику. Магия личности. После школы я чуть было не решил поступать в физтех, даже подавал документы... Интересно, что бы я делал сейчас с физтеховским образованием?

Хм... Возможно, то же самое.

– Прямо – никак, – подтвердил Феликс и развел руками. – Озеро. Пар от него, как от Везувия...

– От Везувия – дым, едренить, – поправил Матвеич и был сам тотчас поправлен Марией Ивановной. По ее словам выходило, что вулканы выбрасывают в основном водяной пар, а вся остальная гадость идет к пару примесями. Надо же, не знал.

Мы уже давно исчерпали запас дежурных тем, как-то: погода, природа, литература, целебные качества местной минеральной воды, налимы и их ловля на живца, а я также выяснил, что Феликс живет в восьмом номере, толстый Ленья – в пятом, а Марию Ивановну с внуком, оказывается, подселили в четвертый, к Милене Федуловне, очень недовольной этим обстоятельством, тем более что седьмой номер уже три дня никем не занят. По сведениям Лени, Милена Федуловна уже ходила в административный корпус жаловаться и качать права. Кроме того, я узнал, что номер первый, а равно находящийся над ним шестой также пустуют и вообще заколочены по причине аварийности не то водопровода, не то канализации, так что неведомый мне Борис Семенович с двумя молодыми людьми фактически занимают все левое крыло на первом этаже и очень не любят, когда кто-нибудь заходит в тот коридор – однако мальчишка есть мальчишка, у них у всех шило в одном месте... Весь этот малосущественный информационный массив я принял вполуха, попивая хорошо заваренный чай из эмалированной кружки и сочувственно поддакивая. Негодяй Феликс успел меня представить как известного писателя, но разговоры о ремесле я пресек на корню. Имею я право отдохнуть или нет?!

Теперь же мы выслушали краткий рассказ Феликса о том, как он спозаранку, даже не позавтракав, надел лыжи и, пока наст еще не подтаял на солнышке, совершил десятикилометровый бросок через леса и поляны. О причинах столь трогательной заботы о своем здоровье Феликс умолчал, а я, вспомнив себя утреннего и содрогнувшись, с уважением подумал, что он железный человек. По словам Феликса, он и дальше бы бежал, но наткнулся посреди снежной целины на море разлитое и вынужден был повернуть. Матвеич тут же снова встрял, на этот раз к месту, и со смешком сообщил, что утреннего автобуса, едренить, не было, а дневной, едренить, пришел с опозданием, и негодующие пассажиры, опаздывающие на поезд, впихнулись в него, что сельди, едренить, и сломали заднюю дверь. Толстый Ленья хрюкнул. Мария Ивановна вздохнула.

– Жаль... Хотела с Кешей в Радогду съездить, народные промыслы там знаменитые. И наличников таких нигде больше нет. Знаете, их посмотреть издалека приезжают...

– А здесь разве не такие? – спросил я.

– В этом корпусе? – Она махнула на меня крепенькой желтой ладошкой. – Что вы, Виталий. Разве это искусство? Это кич. Да вы завтра взгляните сами. А это панно? Разве искусство?

Мы все посмотрели на попорченное резное панно. Как и положено в охотничьем домике, оно изображало сцену охоты. Деревянные собаки азартно кусали за лапы деревянного орущего медведя, а одна вроде бы целилась вцепиться медведю в деревянное ухо. Правда, ухо это было отбито, и вцепиться было некуда. Очень может быть, что в это панно спьяну швырялись бутылками, а возможно, судя по некоторым следам, и томагавками, как ирокезы. Народные чиновничьи забавы.

Или мне показалось, или на медвежьей морде и в самом деле темнел грязный след – небольшой такой, не более пятирублевой монеты. Не утерпев, я поставил на стол свою кружку с недопитым чаем, покинул обширное кожаное кресло, где полчаса назад так уютно устроился, и ринулся проверить.

На меня посмотрели с интересом. Пухлый Леня заколыхался, как будто желая что-то сказать, пожевал толстыми губами, но не издал ни звука. Зато Феликс произнес заинтересованно:

– Что там, Виталий?

– Если кто-то привез сюда макаку, – медленно закипая, проговорил я с нарастающей угрозой, – то пусть сам моет ей ноги. – И, снова плюхнувшись в кресло, добавил: – А если это чьи-то дурацкие шутки...

В последнем я был убежден. Откуда взяться макаке? Явно кто-то шутил с дурна ума, и я догадывался кто.

– Кеша! – спохватилась Мария Ивановна. – Куда он пошел, вы не видели? Несносный ребенок. Кеша!

– Какой я тебе Кеша, ба? – донесся сверху обиженный дискант, и над балюстрадой показалась возмущенная лопухая физиономия. – Называй как надо, а то меня нет. – И возмущенная физиономия убралась вместе с ушами.

– Викентий! Сейчас же спустись!

Внучек Марии Ивановны соизволил вновь явить свою физию из-за балюстрады и вызывающе шмыгнул носом.

– Другое дело. А мультики по телеку скоро?

– Не знаю я, когда мультики! Лучше скажи: это ты следов понаставил? Только не врать!

– Каких следов, ба? – невинно поинтересовалось дитя.

– Обезьянних!

– Не-а. А где следы?

– Вон, – показала Мария Ивановна. – И на нашей двери – тоже. Милена Федуловна уже возмущалась. Скажешь, не ты?

– Не-а, – уверенно отрицал внучек Викентий.

– А кто?

Мария Ивановна кипела. Марии Ивановне было мучительно стыдно перед нами за своего внука и за свое раздражение. Вот тебе и педагог-любимец, подумал я. А впрочем, сапожник всегда без сапог.

– Позавчера я такой след видел у себя в номере, – густо проклокотал Леня. – Утром умылся, хотел лицо вытереть и все такое – и на тебе. Прямо на полотенце.

– А у меня на оконном стекле, – проворчал Феликс. – Только не позавчера утром, а вчера. – Он потянулся к панно посмотреть, щелкнул по носу безухого медведя и уверенно кивнул. – Ага. Точно такой же грязный след и, что любопытно, с внешней стороны. На вто-

ром-то этаже. Что делать – не люблю грязи. Пришлось, знаете ли, открывать окно и оттирать, номер выстудил совсем. – Он покосился на меня и поправился: – То есть комнату...

Я усмехнулся про себя. Знаем ваши штучки. Покои, мол. Апартаменты. Но кто же в них, апартаментах, комнатах, покоях и так далее наставил обезьяньих следов, если не мальчишка?! Больше-то некому. Разве что незнакомый мне Борис Семенович на почве шизофрении подбирает ключи к чужим номерам, а также карабкается по наружным стенам, чтобы посадить отпечаток на стекло... а два телохранителя его, значит, подсаживают. Угу. Замечательная гипотеза, как раз годилась бы скрасить промежуток между двумя рюмками...

Стоп! Сегодня никаких рюмок. Стаканов – тем более. Феликс с Матвеичем – пусть пьют хоть вдвоем, хоть с толстым Леней, если возьмут к себе третьим эту двуногую клоко-чущую цистерну с эндокринными проблемами, а я – пас. Что я, пить сюда приехал?

Пластмассовый чайник на краю стола закипел, забулькал и выключился. Феликс захлопотал.

– Еще чаю? Вам кофе, Леня? Сахар берите. А вам, Виталий? Чаю? С коньячком?

– Коньячку чуть-чуть, – предупредил я.

– А я знаю, кто следы оставляет, – донесся сверху дискант. – Нанопитеки.

Толстый Леня хрюкнул в чашку и набрызгал.

– Кто?

– Нанопитеки, – последовал ответ сверху. – Маленькие такие обезьяночеловеки, они в сугробах живут. Им там хорошо, когда зима. А когда снег тает, они выползают и начинают всюду лазать. Это их следы, чесслово. Значит, и сюда уже залезли.

– Ты их видел? – не без иронии улыбнулась Мария Ивановна и обернулась к нам. – Вы, пожалуйста, не обращайтесь внимания, он такой выдумщик...

– А они маленькие и прозрачные. Их нельзя увидеть. Они только следы оставляют.

Мария Ивановна погрозила внуку пальцем.

– Ладно, Викентий, за выдумку ставлю тебе пять, и иди сюда. Чаю хочешь?

– С конфетами? – немедленно спросил внук.

– С печеньем.

Реабилитированный Викентий, не отзывающийся на имя Кеша (но не Викой же его звать, в самом деле), дождался еще одного, уже третьего по счету зова бабушки и съехал вниз по перилам винтовой лестницы. Вряд ли он принял в расчет центробежную силу, поскольку его сразу начало кренить набок, так что, проехав от силы полвитка, он мелькнул ногами и остаток пути проделал в свободном падении. Мария Ивановна слабо охнула. Было слышно, как внучек с сухим стуком грохнулся о паркет. Из-за лестницы он появился, имея вид страдальца и хромя, кажется, на обе ноги. Мария Ивановна судорожным движением приложила ладонь к сердцу. Бездушный Леня гыгыкнул.

Я механически начал вставать, еще не успев сообразить, что мне надлежит сделать в этой ситуации, и очень сердясь как на Леню с его гнусной ухмылочкой, так и на индифферентного Матвеича, – а Феликс уже действовал. Во-первых, он крикнул. Во-вторых – длинной ручищей сграбастал мальчика, поставил его перед собой, как новобранца, и принялся мять колени. Помяв, развернул Викентия афедроном к себе и отвесил звучного шлепка.

– Симулянт. Марш отсюда, нанопитек.

– Ба, чего он дерется! – завопил Викентий, шустро отбежав от Феликса на безопасное расстояние и потирая ушибленное место.

– В самом деле все в порядке? – У Марии Ивановны был голос узницы, получившей известие о помиловании.

– Мослы целы, связки целы, – проворчал Феликс. – Хитрец и симулянт. Иных детей можно с парашютной вышки кидать без парашюта, лишь бы не на гвозди, а иной и в песочнице ногу ломает. Ваш – из первых.

– Ба, чего он дерется!

– Викентий! – строго сказала Мария Ивановна. – Смотри, все расскажу маме.

– Ну и рассказывай. А чего он дерется? И обзывается...

Ответом его никто не удостоил. Матвейч покряхтел, помялся, сказал, что пора сходить проверить донки, однако с места не сдвинулся. Мария Ивановна тайком от внука быстро положила что-то в рот – валидол, наверное. Толстый Леня шумно пил кофе, нависая щеками над чашкой. По-моему, он потешался про себя и едва сдерживался, чтобы не фыркнуть прямо в кофе. Я заметил, что Феликс на всякий случай отодвинулся от него подальше. Викентий подул немного и очень скоро убедился в бесперспективности этого занятия.

Пить чай просто с печеньем он не пожелал. Он пожелал пить чай с печеньем и телевизором, вождедея, очевидно, мультиков. Мультики были, но, во-первых, они шли по такому каналу, который ловился с ужасными помехами, а во-вторых, то, что с трудом пробивалось сквозь помехи, оказалось древним «Лошариком», однозначно презираемым всеми мальчишками, особенно теми, кто остается невредим при падении с парашютной вышки. Если, конечно, не на гвозди.

Викентий тут же зашипел и принялся щелкать кнопками. По всем каналам дружно шла реклама, один лишь раз на экране возник диктор теленовостей и успел сказать об очередном наводнении на юге Британии. Мелькнул джип, чинно плывущий по мутной улице-реке, после чего телевизор был выключен, а Викентий обиженно заявил, что не хочет ни чаю, ни печенья. Уговаривать его не стали.

Матвейч все-таки решился, вздохнул и, сказав «пойду донки проверю», нахлобучил треух и затопал к выходу. Леня, хлюпнув, допил кофе.

– Между прочим, – сказал Феликс, ни к кому специально не обращаясь, – в моем замке сегодня кто-то ковырялся. Кто бы это мог быть, как вы думаете?

– Пропало что-нибудь? – с интересом спросил я.

Феликс пожал плечами.

– Ничего не пропало, да, по-моему, никто и не влез. Замок только изуродовали, теперь открывается с трудом. Никто случайно ничего не видел?

Я развел руками, а Леня отрицательно замычал. Мария Ивановна переспросила, в каком номере живет Феликс, и, услышав, что в восьмом, а стало быть, на втором этаже, высказала уверенность в том, что неудачливый взломщик должен был пройти через холл. Феликс возразил, что в холле почти всегда кто-то сидит, и чужого человека заметили бы. Вслед за тем повисла тишина: каждый сообразил, что ковыряться в замке мог и не чужой. Не очень-то приятное умозаключение, доложу я вам, и тишина нехорошая.

– А пятипалых следов на двери не было? – поинтересовался я.

– Нет, а что?

– Да так, – сказал я мрачно. – У меня в номере таким следом наволочку изгадили. Какой-то нанопитек дверь отпер, пока я гулял... Нет, ничего не пропало, – поспешно добавил я наострившей уши компании. – По-моему, кому-то здесь просто скучно, развлекается кто-то, шутит, как умеет...

– Едрен пельмень! – свирепо всклокотнул Леня, сделавшийся вдруг очень похожим на перекормленного людоеда. – Драть за такие шуточки и все такое! По филею. Папиным ремнем.

По-моему, он притворялся, изображая ярость, и немного перебарщивал.

Мария Ивановна моргала, переводя взгляд с меня на Феликса, а с Феликса на Леню.

– Но простите... – вымолвила она. – Я понимаю, шулки эти глупые. Послушайте, Феликс, и вы, Леонид, но вы же сами говорили, что следы появились не сегодня и даже не вчера, а значит, Викентий никак не мог...

– А на Викентия мы баллон и не катим, – великодушно пробулькал Леня. – Нанопитеки, ги. Смешно придумал.

Взвизгнула входная дверь, по паркету часто застучали собачьи когти. Нагулявшийся бульдог, вывалив от усердия язык, натужно буксировал к нам Милену Федуловну. По-видимому, ее собственные планы этим нарушались, поэтому она дернула поводок и провезла за собой собаку юзом, пока та, жалобно подскулив, не смирилась с хозяйской волей и не засеменила следом, виляя обрубком хвоста. Было слышно, как в левом крыле лязгнул замок, затем резко хлопнула дверь.

Мария Ивановна вздохнула. Как видно, не без причины. Похоже, две учительницы, поселенные в один номер, не нашли общего языка.

Тут же в очередной раз потерялся и сейчас же вновь нашелся Викентий-Кеша. Выглядел он как с мороза, хотя я мог поклясться, что из корпуса он не выходил – входная дверь была у всех на виду, – и сразу потребовал чаю с печеньем. Мария Ивановна встревоженно привстала, пытаясь потрогать его лоб, в ответ на что внук очень ловко увернулся и, обежав стол, показал бабушке язык. Толстый Леня хрюкнул и забулькал горлом – я не сразу понял, что он так хихикает. «Пофигист и вообще странный», – вспомнил я и согласился с этим определением. Э, а уж не он ли тут над нами шутики шутит? Жизнерадостный больно. Такому подошло бы быть угрюмым флегматиком...

– А я нанопитека слышал, – объявил Викентий. – Вон там, в коридоре. Я иду, а он мимо пробежал по стене. Только следов не оставил, наверное, ноги вытер...

– Викентий, – строго сказала бабушка, – не выдумывай.

– Не, правда, ба! Я вот так иду, а он вот так мимо – тук-тук-тук, а потом – фр-р-р!

– Хватит, – пресек Феликс. – Мы слышали. Когда на горизонте появятся мегапитеки – стучи в рельсу. Мы на тебя надеемся. А пока пей чай. Виталий, вам налить? – Я кивнул. – С лимоном и коньячком?

– Да. Спасибо.

– А без чая?

Этот змей-искуситель с профилем истукана с острова Пасхи держал в руке бутылку и улыбался самым обольстительным образом. Я выругал себя на все корки и махнул рукой.

– Только немножко.

– Само собой! – Феликс совсем расцвел и налил. – Вот так, да? Один моль да один моль – сколько будет? Если по-химически – два моля. А если по биологически, то две моли плюс все их потомство. Я говорил, что в моей комнате моли полно? Это все от кабаньей головы, она скоро совсем лысая будет. Леня, ты поддержишь?..

* * *

Мы сидели втроем, коньячок всасывался, и мне было хорошо. Десять минут назад Мария Ивановна ушла, извинившись и пожелав нам доброй ночи. Феликс не предложил ей коньячку, как видно, тоже заметив украдкой сунутую в рот таблетку, а может быть, просто хотел, чтобы она увела спать внука с его фантазиями насчет нанопитеков. Толстый Леня тоже не поддержал компанию и уволокся в свой номер. Зашла с улицы Надежда Николаевна, спросила, не видел ли кто из нас Инночку, и снова исчезла.

А пять минут назад в «Островок» ворвался рыболов Матвеич, хлюпая водой в галошах, сияя сумасшедше-счастливыми глазами и держа обеими руками за жабры скользкую рыбину, длинную, толстую и черную, как головешка. По-моему, в налим было килограммов пять. Мы с удовольствием выслушали историю о том, как Матвеич, скользя по залитому водой непрочному льду, боролся с рыбиной не на живот, а на смерть, и насилу одержал верх. Рассказ геройского рыбака на три четверти состоял из междометий, а жестикуляция была

такова, что, не будь я начеку, со столика рукавом тулупа было бы сметено на пол все, включая коньяк и налима. Феликс, выудив из кармана складной стакан, немедленно наполнил его, мы выпили за рыбацкую удачу, и тут на сцене появилось еще одно действующее лицо.

Строго говоря, лиц было два: Борис Семенович, вялотекущий шизофреник с манией преследования, и его телохранитель. Не тот, которого я видел утром и днем, а другой, еще крупнее и совершенно угрюмого вида. Мысленно я дорисовал ему шестиствольный пулемет, какие ставят на боевые вертолеты, волочащиеся по полу пулеметные ленты и базуку через плечо. Как хотите, а без пулемета и базуки была в облике этого мегапитека какая-то незавершенность. Есть такие функциональные люди – необходимое приложение к их любимому инструменту, а на большее они и не претендуют.

Пока Борис Семенович двигался к нам, а угрюмый телохранитель держался позади него и чуть сбоку, я забавлялся этой мыслью, хотя в ней при ближайшем рассмотрении не оказалось ничего забавного. Вот Матвеич – типичная приставка к мормышкам, валенкам и коловороту. Феликс на работе – к скальпелю и кривым иглам, которыми он каждый день сшивает чужие коленные связки, а Феликс на отдыхе – безусловно к коньячку, несмотря на хронический гастрит. Надежда Николаевна – к своей Инночке, хотя та инструмент только для расшатывания родительских нервов, Милена Федуловна – к французской бульдожке. А я? Неужели к ноутбуку? Гм... А кто сказал, что галерный раб – человек? Он приставка к веслу для верчения последнего.

Один лишь Борис Семенович не походил на приставку ни для чего. Для письменного стола, нарукавников и грассбуха – нет, несмотря на брюшко и большие залысины с сидящими на них бисеринами пота. Для бронированной по особому заказу иномарки, фальшивых авизо и ручных депутатов – тоже нет, несмотря на телохранителей. Для сауны с девочками – тоже нет. Разве что для душа Шарко, электромассажа и целебных ванн? Да, пожалуй...

Борис Семенович приближался странно: казалось, в нем борются две противоположно направленные силы. Временами побеждала та, что толкала его вперед, и тогда он делал шаг. Временами силы уравнивались, и он настороженно замирал, как охотничья собака, скрадывающая дичь. Смотрел он только на меня.

– Это – кто? – произнес он отдельно, достигнув пустого кресла и вцепившись пальцами в кожаную спинку. От его взгляда мне стало не по себе. Тем не менее я строптиво спросил:

– Кто – это?

– Это Виталий Павлович из десятого номера, – преувеличенно спокойно отрекомендовал меня Феликс. – Виталий, это Борис Семенович.

– Я уже понял, – сдержанно сказал я и немедленно испугался, потому что Борис Семенович испугался чуть ранее и, кажется, сильнее меня. Что, мол, это я такое понял? – Очень приятно, – поспешил добавить я, мастера на лице добродушную улыбку. – Присядете?

С минуту Борис Семенович смотрел мне в лицо и сопел. Зрачки его жутко расширились и сужались. Капли пота на залысинах стали крупнее. Телохранитель пребывал поблизости неподвижно и горообразно.

По-видимому, моя наружность в конце концов произвела на Бориса Семеновича успокаивающее впечатление. Во всяком случае, сопеть он перестал и перевел взгляд с меня на стол.

– А это что? – спросил он строго, указав на рыбину.

Матвеич смущенно покашлял.

– Это... хм... кх... налим. Вот.

Борис Семенович подозрительно потянул носом воздух.

– Отравленный?

– Какой, едренить, отравленный? Почему отравленный? – забормотал Матвеич, явно робея и стараясь казаться меньше объемом, что из-за громадного тулупа ему никак не удавалось. – Пойманный он. Из реки. Просто налим.

– Отравленный, – уверенно определил Борис Семенович, огибая кресло и плюхаясь в него. – Никто ничего не понимает, а всем будет хана. Кранты. Уже очень скоро.

– Почему? – спросил Феликс. Он выглядел заинтригованным.

– Загадили все, – продолжал Борис Семенович, не обратив на Феликса никакого внимания. – Воду травим, землю травим, а им это не понравится. Им это оч-чень не понравится! Они нас за это к ногтю возьмут. Мы думаем, наша она, Земля, а? А значит, все на ней можно. Шахты долбить, туннели, нефть качать, взрывы подземные устраивать... Умеем. Острова насыпать из мусора. Травить все живое – это уж обязательно. А вот хрен вам! Им это не понравится, я точно знаю. Коньяк, и тот пить невозможно, в нем пестициды... Рустам, коньяку!

Телохраняющий Бориса Семеновича мегапитек безропотно удалился и практически тотчас же появился вновь, но уже с бутылкой «Наполеона», стаканом и салфеткой. Протер стакан, посмотрел сквозь него на свет плафона и, брезгливо покосившись на расprostертую поперек стола скользкую рыбину, поставил бутылку и стакан в некотором отдалении от нее. Засыпающий налим, протестуя, шевельнул жабрами.

– Им это не понравится, – внушительно повторил Борис Семенович, трясущейся рукой откупоривая бутылку, и я понял, что он всерьез напуган и вдребезги пьян. Не из тех пьяных, кому море по колено, а из тех, для кого лужа – море. – Они начнут действовать. И тогда уже не понравится нам...

– Кому что не понравится? – спросил я. – И кто начнет действовать?

Борис Семенович налил себе полстакана, выпил, как воду, взял с блюда дольку лимона, повертел ее в пальцах, положил на место и посмотрел на меня сквозь пустой стакан.

– Почем я знаю, может, они уже начали, – глухо сказал он. – Кто? Хозяева, конечно. Не мы, а настоящие хозяева. Мы – тьфу, мелкие пакостники. Я думаю, они уже обратили на нас внимание, хотя вообще-то они медленные. Их работу сразу не увидишь. Для нас – века, для них – единый час... даже не час, а миг. Не надо было их тревожить, вот что...

– Кого? – спросил я.

Феликс молча толкнул меня ногой – терпи, мол, молча. На лице мегапитека Рустама отражалась угрюмая скука. Борис Семенович вдруг рассмеялся и погрозил мне пальцем.

– Хитрый... – сообщил он. – Все знать хочет. Думает успеть, когда начнется. Не-ет, никто не успеет убежать, да и некуда нам бежать, мы больше нигде жить не умеем, это они думают, что мы пришлые и нас надо гнать...

– Да кто думает-то? – попытался уточнить я и снова получил толчок ногой от Феликса.

Борис Семенович долго молчал. За моей спиной хлопнула входная дверь, кто-то затопал, стряхивая с обуви мокрый снег и произнес грубоватым контральто: «Да не гони, ма, все путем, всех климакс ждет, я же понимаю». Я буквально затылком почувствовал, как покраснела бедная Наталья Николаевна, и посочувствовал ей. Лучше всего было сделать вид, что мы пьяны и ни бельмеса не слышим. Затем позади проскрипели ступени лестницы, и наверху хлопнула дверь. Я посмотрел на часы. Ноль десять. Да, время детское, а у Инночки гормональный шторм. Вероятно, нынче не слишком сильный, раз она позволила увести себя спать в такую рань. Как все-таки хорошо, что мы с супругой не завели детей...

Под эту мысль я отпил полплотка и снова воззрился на Бориса Семеновича. Надо сказать, не без внутренней тревоги. Озабоченность экологией у новорусского – нехороший симптом, это ясно и без психиатра. Интересно: если придется вязать пациента полотенцами, телохранитель нам поможет – или наоборот? Если придется драться, успокаивая буйнопо-

мешанного, – чем его приложить, чтобы ненароком не покалечить? Не чайником, понятно, и не бутылкой. Налимом?

А что, это мысль.

– Хозяева, – сказал Борис Семенович с обреченностью в голосе. – Настоящие хозяева нашей планеты. Они там, внизу. – Он несколько раз с силой ткнул негнувшимся пальцем в крышку стола. – Там, глубоко под корой, в мантии. Их волосы – рудные жилы, их шаги – дрейф континентов, их гнев – катаклизмы почище взрыва Кракатау. Нам такие катаклизмы неизвестны, исключая, может быть, всемирный потоп. Кракатау – это просто кто-то из них чихнул, если привести их физиологию к человеческим понятиям. Чих – и тридцать тысяч человек как корова языком слизнула. А ведь в то время хозяева нас, вероятнее всего, вообще еще не замечали, а если и замечали, то не придавали нам никакого значения. Подумаешь, ползет по крыше букашка, и пускай себе ползет, раз вреда от нее никакого... Я думаю, они обратили на нас внимание лет сорок-пятьдесят назад, а может быть, даже позже. Они медленные. Что они подумали о нас, о наших шахтах, о химии, о ядерных взрывах? Я скажу что. Неизвестно откуда на крышу их дома прилетели очень вредные букашки и мешают жить. Прогрызли крышу и обгадили. Что с ними делать – дустом их? Можно и дустом. А можно как следует ударить по крыше палкой и согнать с нее букашек – пусть летят себе, откуда прилетели. – Борис Семенович рыдающе хихикнул и полез в карман. В его ладони на миг сверкнуло что-то пронзительно-зеленое и снова спряталось. – Пусть даже уносят вот это... Или, скажем, подогреть крышу, поджарить букашкам лапки. Вот только куда мы улетим, когда нам станет жарко? Как мы объясним хозяевам, что это и наш дом тоже? Они нас слушать не станут, а если и станут, то нипочем не поверят: со своим-то домом так не обращаются. Вот с чужим – сколько угодно...

Закрываясь рукой, Феликс подмигивал мне. Матвеич сидел с разинутым ртом. Снулый налим, то ли отравленный, то ли, напротив, экологически чистый, был прочно забыт. Зря Матвеич сюда зашел – его рыбацкий триумф оказался скомканным.

– Так что же будет? – спросил я, потешаясь про себя. – Катаклизмы, что ли? Повсеместные землетрясения, да?

Борис Семенович сморщился, соображая.

– Может, и землетрясения. Если бы только землетрясения...

– Вообще-то что-то похожее я читал, – перебил я, – только не помню где. У Конан-Дойля, что ли?

Феликс в третий раз пнул меня в лодыжку, надо сказать, довольно чувствительно и совершенно напрасно: Борис Семенович был поглощен только собой и своим монологом. До моих замечаний ему не было никакого дела.

– Они не захотят нас убивать, – произнес он. – Им надо лишь одно: заставить нас убраться отсюда, для чего они сделают нашу жизнь на планете невыносимой. Как – не знаю. Но они найдут для нас репеллент, в этом нет сомнений... И на меня найдут, и на тебя... и вот на него... На всех...

– Мой налим не отравленный, – с вызовом и обидой сказал вдруг Матвеич. – В Радожке, едренить, вода чистая.

Борис Семенович его не услышал. Качнувшись вперед, он промахнулся рукой мимо стакана и неминуемо упал бы лицом на столик, если бы мегапитек Рустам не поймал его за плечи и не поставил стоя. Борис Семенович всхлипнул и обмяк. Как видно, телохранителю такое состояние босса было хорошо знакомо. Не дрогнув ни единой лицевой мышцей, он ловко подхватил Бориса Семеновича под мышки и, преодолевая слабое сопротивление, повлек его прочь из-за стола. Одновременно в его громадной лапе оказались початый «Наполеон» и стакан.

Феликс ухмыльнулся. Матвеич дернул кадыком, побряхтел и, ничего не сказав, встал с недовольным видом, повесил на плечо свой пенопластовый ящик, забрал налима и отбыл, оставив на ковровой дорожке мокрые следы. Одновременно хлопнули две двери – в третьем номере и входная. Стало слышно, как наверху Надежда Николаевна монотонно пилит Инночку.

Н-да... Посидели.

– Ну и как вам Борис Семенович? – с любопытством спросил Феликс. – По-моему, любопытный фрукт. Между прочим, он впервые до нас снизошел. Должно быть, вы, Виталий, ему понравились. Понаблюдайте, пригодится. Личность, не лишенная колорита.

– По-моему, шизофрения у него не вялотекущая, – сказал я.

Глава 4

В шесть часов утра сцена поединка в вертолете, кружащем над Останкино, с последующим выбрасыванием из машины одного второстепенного персонажа, была закончена. Я закруглил абзац словами: «Он видел, что падает в пруд возле телецентра, и сумел войти в воду «солдатиком». Успел ли он в последнюю секунду падения заметить, что глубина пруда в том месте не превышала метра, – осталось неизвестным», – сбросил наштампованный кусок на жесткий диск и подул на онемевшие пальцы. Писать дальше не было сил.

Я закурил и с отвращением посмотрел на остаток остывшего кофе в кружке. Будь сейчас передо мной не этот растворимый эрзац, а настоящая арабика, притом сваренная по всем правилам, – и тогда он бы меня не обрадовал. Которая же это кружка за ночь? Не помню, да и неважно.

Главное – дело пошло. За вчерашний день и сегодняшнюю ночь я двинул текст вперед со стремительностью танкового прорыва. Несколько сумбурно, ну да это ничего. Потом поправлю, если найду время.

Жизнь была хороша. Ай да Мухин-Колорадский, ай да сукин сын! Я курил и улыбался. Роман давно перетек из дебюта в миттельшпиль, интрига завязалась еще тогда, когда мой Гордей опрометчиво погасил звездочку, используемую американским спутником-шпионом в качестве навигационной, и еще более опрометчиво позволил себя вычислить. Разумеется, после таких дел Гордеем Михеевым могли не заинтересоваться разве что спецслужбы республики Буркина Фасо или королевства Бутан. ЦРУ, ГРУ, ФСБ, Моссад – эти, конечно, в лидерах гонки, а в затылок лидирующей группе дышат террористические организации, и сучит членистоножками маэстро Тутт Итам, инопланетный микоинсектоид. Ведь если звезды гасят, то это всегда кому-нибудь нужно. Гордей ускользает, а они мешают друг другу и хороших людей из вертолетов выкидывают, вдобавок в мелкие пруды.

Глаза слезились. В комнате мертво висел смог, густой и едкий, как под Ипром. Я встал, отдернул штору и выщелкнул окурочек в форточку. Занимался рассвет. Интересное выражение, вяло подумал я. Чем это он занимался? «Заря занималась противоправной деятельностью». Вероятно, с особой дерзостью и цинизмом. Или просто занималась ерундой. А солнце, напротив, благонамеренно занималось восходом... или восхождением?..

Безумно хотелось спать, но уснуть не представлялось возможным. Во-первых, кофе, а во-вторых, текст, который сам по себе тоже алкалоид не из последних. Сердчишко то подкапывало к самым glandам, то отдавало в желудок. Выкушать бы сейчас коньячку, мечтательно подумал я. Только не под лимон, ну его на фиг, а под любительскую колбасу...

Еды не было. Коньяка, естественно, тоже. Вероятно, коньяк имелся у Феликса, но будить его я посчитал неудобным. Особенно после того, как он вчера вечером стучался в мой номер и дергал дверную ручку, а я в ответ прорычал что-то не слишком вежливое. Нет, придется страдать...

Я разделся, залез под одеяло и уже через пять минут впал в отменно скверное настроение. Вот так всегда: надо бы продолжать радоваться своей стахановской производительности, повизгивать и подсигивать от восхищения собой, любимым, – а не тут-то было. Стоит перетрудиться – и вот он, духовный мазохизм, подстерег и хряпнул по маковке. И поделом. Текст с полпинка пошел, да? Пора бы знать: само плывет в руки только то, что не тонет. За такие тексты надо штрафовать, как за сознательное загрязнение окружающей среды. И это наказание еще будет мягким. За тексты о Перееханном Дрезиной меня, если честно, вообще следовало бы без жалости высечь кнутом. Привязав к одному из деревьев, спиленных ради той бумаги, что пошла на тираж...

Однако ведь покупают. Если под псевдонимом Колорадский начнет работать бригада литнегров, к чему дело и идет, – все равно будут покупать. Даже еще бойчее. Что еще хуже – будут и читать.

Своего читателя я знаю. Он звезд с неба не хватает, однако и не гасит их, за что ему гран мерси. Ну, туповат немного, не без этого, так ведь тем и ценен. Был бы он умнее – на кой ляд ему сдался бы писатель Колорадский с его Перееханным Дрезиной? Да он бы глазом не моргнул, если бы дрезиной порезало на фрагменты самого Колорадского. Он бы при случае сам ту дрезину разогнал, дабы уменьшить количество щелкоперов.

И потом удивлялся бы: отчего столько народу в электричках вместо чтения глушит водку и буянит? Что взять с умных? Дураки они, прости Господи...

А какой читатель читает фантастику? Понятия не имею. Наверное, слегка шизанутый, которому бластеры-скорчеры подавай да поединки на плазменных мечях на борту терпящих бедствие звездолетов. Не уверен, что мордобой в вертолете – эквивалентная замена.

Зря я сунулся не в свое дело, вот что. С другой стороны, кто посмел сказать, что живописать разборки «братвы» да козни коррумпированных ментовских и эфэсбэшных чинов – мое дело?

Да я же сам, вот кто. Сказал и сделал. Разве нет? А что устал от своих персонажей с их новорусской феней и восхотел бластеров-скорчеров – так кого это интересует? Нет, персонажи какими были, такими и останутся, никуда мне от них не сбежать, и обязательно будут общаться между собой рублеными фразами – в жизни ни один нормальный человек так не скажет, боясь произвести впечатление выпертого идиота, но читать приятно: «Это входит в мою подготовку», «У вас проблемы или труп на руках?», «В этой колоде нет джокера», – и тому подобное. И издатель, конечно же, не останется внакладе...

Духовный мазохизм разыгрался всерьез, и я уже точно знал, что завтра, то есть сегодня, не напишу ни строчки. Во всяком случае, без тошнотного позыва. Черт, ведь было же время, когда маранье бумаги – тогда еще бумаги – подтекающей шариковой ручкой вызывало во мне чувство, близкое к счастью! Первые наивненькие, безграмотные опусы, смех и грех, перечитывать их – увольте, показать кому-нибудь – через мой труп, но ведь беспомощность – еще не халтура! Эка невидаль – лирика на пустом месте да морализаторство! Со всяким бывает. И у большинства проходит, как ветрянка. Зато никаких тебе Перееханных и иных моих ущербных соотечественников, вчера упавших с пальмы, никаких бандитских разборок, никакой чернухи ради чернухи и вопля: «А-а, в какой стране мы живем! Все тут сдохнем, ратуйте, люди добрые!...».

Мог бы и дальше работать, как когда-то. Подбирать то ли ключи, то ли отмычки к читательским душам. Ко всем семи – или сколько их там? – замкам пресловутой души, запертой, как водится, в склеенный из чего попало панцирь.

Но сбивать замки кувалдой оказалось проще. «Он выстрелил на звук и по резкому мокрому шлепку понял, что мозги Шепелявого ударили в потолок». Р-раз!.. Кр-р-руть сюжета! Чтобы на первой странице мордобой или перестрелка, а не позже пятой – траханье в постели, лифте, автомобиле или – какие еще места для этого хороши. Издадут и раскупят. Кувалдой – бамс! Три, нет, четыре романа в год вместо одного. Приятное ощущение материальной независимости, и дураки-поклонники стоят в очереди за автографами.

Если чего-то на свете всегда бывает много, то только розог, камней в печени, мух в борще и тому подобного. Ни славы, ни гонимых много не бывает, так уж получается.

Вот только за сбитыми кувалдой замками, за разломанным лихими ударами панцирем из самодельного композита нет души. Что-то там есть, конечно, – иначе бы не покупали и не читали, – но точно не душа. Эрзац, имитация, силиконовый протез. Какая-то эластичная поверхностная субстанция, для которой моя кувалда – приятная щекотка. Вот и щекочу по мере сил.

Я даже застонал – тихонько и жалобно, как от мигрени. Интересно, смог бы я сейчас написать что-нибудь разумное, доброе, вечное, да так, чтобы не сводило скулы при чтении? Ой, не знаю. Десять лет назад – да, мог. Во всяком случае, пытался. Но та повесть не издана до сих пор. Немного наивна, немного устарела, но не плоха, ей-ей. Просто не нужна никому.

А собственно, какое я имею право вскрывать чужие души и с упоенностью садиста ковыряться в них своим скальпелем? Меня об этом просили? Кто хочет себе боли, тот извращенец, а извращенцы, к счастью, пока составляют меньшинство народонаселения. Не они толкуются у книжных лотков. Будем циничны: не они платят за то, чтобы я написал следующую книгу, а потом еще одну и еще... пока смогу, сдерживая рвотные позывы, писать про мозги Шепелявого и траханье в телефонной будке.

Это еще не самое страшное. Вот если научусь кропать такое без рвотных позывов – это будет по-настоящему страшно...

Я прислушался. За стенкой разговаривали. Было семь часов. За окном не очень уверенно, с большими перерывами начинала чирикать какая-то птица, приветствуя солнце, а вообще было очень тихо. Зря Надежда Николаевна понадеялась на мой сон и звукоизоляцию.

Я лежал и млел. «Ты мать послушай, – доносилось до меня. – Известный писатель, серьезный, обеспеченный, не женатый, не урод... Вежливый... Молодой... Ты о себе подумай. Я тебе добра желаю. От твоих обкуренных охламонов много проку? Денег нет, мозгов нет, одна наглость только. В разговоре мат через слово. Ты присмотришься к нему получше, присмотришься...» – «Не, ма, беспонтово, – снисходительно доносилось в ответ. – Какой он молодой, блин? Старпер, и водяру трескает каждый день с ортопедом на пару. Ты, ма, в жизнь ни фига не въезжаешь. Тебе волю дай, так ты мне Матвеича в мужья пристроишь ради рыбной диеты...»

Я хрюкнул в подушку. Было приятно, что меня считает молодым хотя бы Надежда Николаевна и полагает подходящей партией не для себя, а для дочери. Слава Богу, Инночка убеждена, что я не гожа в мужья, иначе пришлось бы мне спастись от ловчих сетей то за ноутбуком, то за водкой. А этого мало! Мне подавай интересную компанию в холле, безответственную болтовню, солнце, воздух и пешие прогулки вдоль Радожки.

До сих пор, кстати, не побегал на лыжах. Может, сегодня?

А не лучше ли смотаться отсюда, подумал я, чтобы не парировать каждый день попытки дамы, приятной во всех отношениях, впарить мне Инночку в качестве законной супруги? Оно, конечно, трогательно, да ведь работать же не дадут... А впрочем, Инночка сама парирует эти попытки не хуже меня.

Решено, остаюсь.

Настроение резко прыгнуло вверх, и мне даже захотелось учинить что-нибудь игривое. Например, шлепнуть Инночку по сдобной попке. Прямо сейчас. Ворваться, застать в неглиже, шлепнуть и смыться. Интересно, какую песню запела бы тогда Надежда Николаевна о предполагаемом зяте: визгливое «наглец!» или «вот видишь, он тобой интересуется, так ты не будь душой малахольной и своего не упускай...»?

Тут до моего уха донеслось осторожное царапанье металла о металл, и не за стенкой, а гораздо ближе. Кто-то ковырялся в дверном замке моего номера. Я затаил дыхание, прислушиваясь, но как раз в эту минуту Надежда Николаевна начала на повышенных тонах выговаривать Инночке за аляповатую косметику и вульгарный облик, как внешний, так и внутренний, так что я ничего не услышал. Помучившись с минуту, я встал. На цыпочках подкрался к двери. Собрался с духом и распахнул рывком.

Никого.

Короткий коридор был пуст, зато мне почудился скрип винтовой лестницы. Я бросился на балкон и, перегнувшись через балюстраду, обозрел обе лестницы и холл – нет, и тут никого... Нанопитеки, подумал я с раздражением. Явно нанопитеки или расшалившиеся

домовые, а не вор. Зачем вору копаться в замке, заведомо зная, что постоялец у себя? Чтобы попасться? Ментам, возможно, и не сдадут, но морду начистят так, что мало не покажется...

На всякий случай я подергал дверь в подсобку (заперта) и узкую дверцу, ведущую в восьмигранную декоративную башенку (также заперта). Ни фиги не понимаю! И тут щелкнул замок в девятом номере.

Наверное, не один нанопитек, преследуемый по пятам злобным микролеопардом, еще не удирает с такой прытью, с какой я рванул в свой номер. Проклятое интеллигентское воспитание! Другому было бы безразлично, что подумает о нем Надежда Николаевна, застав рано утром посреди коридора в одних ветхих семейных трусах в цветочек, другой еще глумливо извинился бы за то, что он без галстука, – а у меня в таких случаях рефлексy работают быстрее мозгов.

Я еще гадал, успела заметить меня Надежда Николаевна или не успела, и щупал промаху на задy (проклятое следствие сидячей профессии), как вдруг новая мысль заползла ко мне в голову и озадачила крайне неприятно. Когда я распахивал дверь, чтобы выскочить в коридор, я не трогал защелку замка. Сказать по правде, я просто забыл о ней, и тем не менее дверь распахнулась. Она не была заперта!

А ведь я ее запираю, уверенно припомнил я, и Феликс зря крутил ручку. Стало быть, неизвестно кто успел не только поковыряться в замке, но и отпереть его! Оч-чень мило.

Свежих пятипалых следов, к счастью, не обнаружилось ни в комнате, ни в санузле. Уже что-то. Выходит, спугнул нанопитеков.

* * *

Всю ночь дом сотрясает низкий вибрирующий гул – узкое шоссе переполнено. На запад, строго на запад, рыча и воняя выхлопом, идет армада тяжелых грузовиков камуфляжной раскраски. Часто грузовик тащит на прицепе легкое орудие, а иногда – полевую кухню. Дрожит пол, дрожат потолок и стены, жалобно дребезжат оконные стекла. Женщина стонет во сне и натягивает на уши одеяло. Муж ворчит: «Заснуть же невозможно!». Он подходит к окну. Фары очередного грузовика выхватывают из темноты распахнутую корму предыдущего – в кузове тесно, как патроны в обойме или семена в огурце, сидят солдаты, лица у них не улыбочивые, каски надвинуты на глаза. Муж бормочет: «Черт бы их драл с их маневрами».

Проходит зенитная часть, затем колонна саперной техники – траншеекопатели, мостовые укладчики, грузовики с понтонами и какие-то машины непонятного назначения. Гул нарастает, меняя тональность, – в черном провале ночного неба скорее угадывается, нежели видится звено военных вертолетов. А вот и еще одно... Все? Да, два звена. Оглушительный рокот винтов уходит к холмам на западе, и теперь мужчине кажется, что гул автотехники не так уж и силен.

Яркая точка вспыхивает над холмами, вспухает огненным облачком и, разбрасывая искры, падает. Неужели вертолет? С неба косо тянутся прерывистые трассы, что-то нащупывают на земле. За холмами вновь расцветает зарево.

– Папа, мама, мне страшно...

Дочь в ночной рубашечке переступает порог родительской спальни. Сына нет, он, наверное, спит, несмотря на шум, у него вообще крепкий сон. А дочь – вот она, и детские глазенки раскрыты в ужасе.

– Папа, я боюсь...

Отец берет дочь на руки и шутиливо стыдит. Он большой и сильный, с ним не страшно, и дочь, успокоившись, позволяет унести себя в детскую спальню, чтобы видеть счастливые сны.

Но отец совсем не так спокоен, как она.

А колонна техники все идет и идет мимо дома...

* * *

Проснулся я в третьем часу, с несвежей головой, коей немедленно помотал, прогоняя сновидение, и сразу сообразил, что проспал не только завтрак, но и обед. Значит, придется топать до магазина. Ничего, дотопаю. Супа надо взять быстрого приготовления. И хлеба. И шпрот.

В нижнем коридоре я заметил Бориса Семеновича с Колей – по-моему, последний уговаривал первого вернуться в номер, – мельком подумал о незавидной доле телохранителей, вынужденных не тело охранять, а нянчить, и выскочил из корпуса. С первого взгляда было видно, что за сутки в окружающем мире многое изменилось. На меня пахло стылрой влагой. Глухо, как из подземелья, каркали вороны. Солнце в густой дымке хотело казаться больше и краснее, чем оно есть. Лед на протоке набряк и посинел, а во многих местах был залит водою. Выгуливаемая Миленой Федуловной сарделькоподобная бульдожка рычала на осколки титанической сосульки-убийцы, как видно, только что сорвавшейся с крыши. Словом, пришла весна.

Миленка же Федуловна, воплощенная Немезида на пенсии, но от того еще более неумолимая, имела столь взрывоопасный вид, что я ни на минуту не усомнился в том, что она сегодня же доберется до директора этого заведения в полной уверенности, что именно он, директор, пытался посредством сосульки раскроить голову заслуженному учителю республики. На меня она взглянула так, словно я соучаствовал в подготовке преступления, и не ответила на приветствие.

Мучимый спазмами в желудке, я совершил несколько действий: рысцей перебежал мостик, побуксовал на подъеме, поздоровался с Марисей Ивановной, конвоировавшей Викентия из столовой в «Островок», удивился чрезмерной волглой сырости, разлитой в воздухе, кратко побалакал с повстречавшимся мне навстречу Феликсом и выяснил, что на обед были котлеты полтавские, судя по вкусу и запаху – из тех самых шведов, обогнал хмурую уборщицу, тащившую волоком по мокрому льду пластиковый мешок с мусором, предложил сдуру помощь, в ответ узнал новое о своей интимной жизни, хмыкнул и, достигнув, наконец, магазина, отоварился на славу. Шпрот прибалтийских околеевропейских – пять банок. Супов китайских великодержавных – тоже пять. Сгущенки незалежной з цукром – две. Пойдут с чаем. Оливок гишпанских – две. Хлеба отечественного – батон и буханка. Водки – три. Коньяк молдавский – один. Ладно уж, сегодня расслаблюсь, все равно голова никакая. Угощу Феликса, он коньяк любит, а со своим гастритом пусть договаривается сам, я ему не дипломат.

Теперь можно было не наведываться сюда до послезавтра, даже если не ходить в столовку. Когда я работаю, я человек неприхотливый. Вот Мишке Зимогорову – тому, несмотря на пьянство, подавай пищу ценную и диетическую: всякие там бульончики, телячьи котлетки, овощные салаты и куриные грудки без мослов. А толку? Экзема не проходит, а брюхо растет так, будто он вынашивает тройню и скоро роды.

На скамеечках перед санаторными корпусами тесно, как голуби на карнизе, сидели бабульки, обсуждая внуков и болячки. Где тут Инночка ухитрялась найти себе общество по вкусу, оставалось ее тайной. Текло с крыш. Белый кирпич корпусов потемнел от сырости. Было скучно. Хотелось поест и выпить. И чего ради я послушался болтуна Мишку и приехал сюда? Лучше бы махнул бы в Грецию, как раз теплая компания туда собиралась, попили бы вина, поплясали бы по пьянке сиртаки, побродили бы по Акрополю, подбирая на память щебень из ближайшей каменоломни, поплевали бы в Коринфский канал... И не лебезил бы я перед Верочкой, секретарем Гильдии, по поводу выделения мне путевки в это

мокрое царство, а привез бы ей сувенир – тот самый камешек, который Демосфен держал во рту. Выбрал бы на пляже окатыш покрупнее, Верочке очень подошло бы.

Как всякий человек, не желающий сломать себе шею, я спускался по скользким ступеням с чрезвычайной осторожностью, мнительно высматривая, куда поставить ногу, и нежно прижимая к животу пакет с покупками. Краем глаза я заметил, что почти все обитатели «Островка» высыпали из привилегированного корпуса, но не придавал этому значения. И зря.

Пушечный гром ломающегося льда настиг меня, когда мне оставалось одолеть последний лестничный пролет, и этот пролет я, поскользнувшись, протрясся на зад, как по стиральной доске. Бутылки опасно звякнули, но уцелели.

Держась за копчик, я вскочил. Я никогда не видел, как начинается ледоход, и не хотел пропустить это зрелище, так что больно ушибленный рудимент хвоста представлялся мне в общем-то не чрезмерной платой за зрелище.

В протоке под горбатым мостиком лед вел себя смирно, зато в основном русле он скрежетал и ломался. Грянул еще один удар и отразился от леса сложным эхом. Зачем-то пригибаясь, словно надо мною визжала картечь, я достиг «Островка», бросил пакет в ноздреватый сугроб возле крыльца (бутылки вновь звякнули) и, прихрамывая, припустил вокруг корпуса. Там ждало меня зрелище.

Лед уже пошел. Тронулся, как следовало бы сказать, если бы среди нас присутствовал хоть один присяжный заседатель. У стрелки острова льдины со скрежетом крошились, вставали дыбом и рушились на берег, зато на стрежне солидно и мощно, лишь иногда пугая треском, двигалось ледяное поле, кое-где рассеченное резкими, как прорубленными, трещинами, разорванное полыньями, набитыми ледяным крошевом, еще воображающее себя цельным монолитом, но обреченное разломаться в считанные минуты.

А по важно ползущему ледяному полю, оскальзываясь, разбрызгивая галошами воду, петляя, как зверь, уходящий от облавы, в одной руке держа за ремень пенопластовый ящик, а в другой ледобур, трусил к острову рыболов Матвеич.

На берегу орали все, кроме, пожалуй, Инночки и Марии Ивановны. Первая смотрела на разворачивающиеся события с неподдельным интересом; вторая держалась за сердце, а нечуткий внучек Викентий дергал ее за рукав пальто и с азартом влюбленного в свое дело естествоиспытателя вопрошал: «Он утонет, ба? Нет, правда, ба, утонет?..».

Только это я и услышал, а ответа бабушки не расслышал, поскольку пробежал мимо. Ахала и вскрикивала нервная Надежда Николаевна, взирая на разыгрывающуюся драму сквозь гигантские очки. Что-то кричала даже Милена Федуловна, а ее бульдожка захлебывалась лаем и рвалась с поводка. В окне на первом этаже мелькнуло прилипшее к стеклу безумное лицо Бориса Семеновича, но я не стал на него смотреть. По берегу, опережая плывущий лед, проваливаясь в мокрый снег и срывая голос в крикливых советах, мчались Феликс, телохранитель Коля и сильно отставший от них толстый Ленья. «Жми, мужик, давай!» – орал Коля. «Барахло, барахло брось!» – надрывался Ленья. «Правее забирай, правее! Не оглядывайся!» – ревел Феликс. – От трещин держись подальше!».

Судя по всему, Матвеич и так это знал, но воспользоваться советом не мог. Чтобы добраться до островка раньше, чем лед пронесет мимо, он должен был преодолеть не одну трещину, а целых две.

Первую, едва наметившуюся, он перепрыгнул вполне удачно и, оказавшись на треугольном ледяном поле, бежал ко второй наискосок, где трещина была поуже, но быстро расширялась, образуя полынью.

Коловорот он все-таки бросил, но с пенопластовым ящиком расстаться не пожелал. Обгоняя пыhtящего Леню, я мельком подумал, что, несмотря на наши вопли, рыболов совсем не потерял голову. В случае чего ящик не позволил бы ему утонуть. А случай этот, надо сказать, становился все реальнее по мере расширения полыньи.

Матвеич наддал – и перепрыгнул. По-моему, чудом. Теперь он топтался на не такой уж крупной льдине, ожидая случая сигануть с нее на береговой припай. Я догнал Феликса и Колю. Тяжело дыша, мы месили снег, а в каких-нибудь десяти шагах от нас ехал на льдине тяжело дышащий Матвеич. Остров кончался. Расстояние между ним и льдиной медленно, но неуклонно увеличивалось. За островом тянулось мокрое ледовое поле, еще не затронутое ледоходом, однако у меня имелись большие сомнения, стоит ли проверять его на прочность. Как оказалось, у Матвеича тоже.

– Веревки у вас нету? – подал он голос, исполненный зыбкой надежды.

– Откуда?!

– А дырина длинного? Льдину бы подтянуть. Вы гляньте – нигде поблизости не валяется?

Мы глянули. Дырина нигде не валялась, да еще столь длинного. Тут понадобился бы флагшток.

Впрочем, подумал я, можно отталкиваться и от дна, как на плоту. Или на плоскодонке. Немедленно вспомнилась соответствующая сцена из Джерома, и я сейчас же прогнал ее вон. Все-таки дураки англичане – зачем они на плоскодонках с шестами плавают?

– Придется тебе купаться, Матвеич, – развел руками Феликс. – Ничего, отогреем. Не трусь, сигай. Вытащим.

Матвеич мялся. Я его очень хорошо понимал. Хотя, по-моему, если не грозит утопнуть, то для ледяной воды я бы куда охотнее выбрал тулуп, чем плавки.

Не выпуская из рук ящик, Матвеич сел на край льдины, отчего та заколыхалась, и с огромным отвращением опустил валенки в воду.

– Глубоко, едренить, – пожаловался он.

– Ниже по течению еще глубже, – утешил Феликс.

Матвеич заерзал, то ли собираясь возразить, то ли все-таки решившись сползти в черную неуютную воду с плавающими в ней ледышками, и тут непрочный край льдины отломился под ним и поплыл самостоятельно. Ухнув на вдохе, Матвеич не ушел под воду с головой, как я опасался, а забарахтался на мелком месте. Глубины там было едва по пояс.

Ох, как мы гнали незадачливого рыболова в «Островок»! На реке трещали и крошились льдины, но мы этого не видели. Сейчас дрын сгодился бы в самый раз, но и пинки, прописанные больному медициной в лице Феликса, действовали ободряюще, косвенно свидетельствуя о том, что у бедолаги по крайней мере не отморожен филей. Матвеич сперва матерился, обзывал нас фашистами и, едренить, изуверами, но затем покорились судьбе и зарысил вполне удовлетворительно. В холл мы ворвались, как лошади после призового заезда, причем Матвеич был бесспорным фаворитом.

* * *

От лохматого тулупа, развешенного на радиаторе, шел пар. Тут же сохли валенки, галоша с одного из них осталась на дне и вряд ли сыщется до лета, когда ее найдет купающаяся детвора, выльет воду и пустит плыть по течению. Красный, распаренный Матвеич, обряженный в лыжный костюм Феликса и необъятный свитер Лени, сидел на диване потурецки, шумно прихлебывал крепчайший чай с коньяком и терпеливо потел при посредстве баночки меда, навязанной ему Марией Ивановной, и моего одеяла. Словом, под охи, ахи и суету было проявлено максимальное сочувствие к страждущему. На сей раз даже Милена Федуловна неприятным надтреснутым голосом сама предложила горе-рыболову остаться обсохнуть, чем, впрочем, ее сочувствие и ограничилось. Уволокла бульдожку в свой номер и хлопнула дверь.

После бутылки водки, половину которой мы с Феликсом влили в него, разделив вторую половину между собой (Леня отказался, а Коля, приняв один глоток, вернулся к исполнению телохранительских обязанностей), происшествие воспринималось Матвеичем чисто юмористически, причем потешался он главным образом над нами. Как мы мчались по берегу, что при этом орали и какие у каждого были глаза – все было нам показано в лицах. Я посмеивался. Леня хрюкал и булькал. Феликс, сидящий ко мне в профиль, являл собою редкий образчик истукана с острова Пасхи, которому надоело без толку пляться в океан, а захотелось тяпнуть по маленькой в хорошей компании. Я уже чувствовал, что малой дозой дело сегодня не кончится.

А за пределами «Островка» психовала Радожка. Треск стоял, как на Чудском озере в кульминационный момент битвы. Инночка с Надеждой Николаевной куда-то рассосались. Юный Кеша, которому надоела наша компания, едва не оторвал бабушке рукав и утащил-таки ее смотреть ледоход. Мы тяпнули коньячку за открытие купального сезона. Ненадолго появился Борис Семенович, по-моему, сильно не в себе, поглядел на нас с ужасом и исчез из поля зрения. За ним улетучился верный Рустам, очевидно, дабы в случае какой угрозы прикрыть ценное тело работодателя своим менее ценным телом. Хлопнула где-то дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.